

Анна Матвеева

**ЗАВИДНОЕ
ЧУВСТВО
ВЕРЫ
СТЕНИНОЙ**

Роман

Анна Александровна Матвеева
Завидное чувство
Веры Стениной
Серия «Проза: женский род»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9747426

Анна Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-090753-3

Аннотация

Анна Матвеева – автор бестселлера «Перевал Дятлова», сборников рассказов «Подожди, я умру – и приду» (шорт-лист премии «Большая книга»), «Девять девяностых» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»). Финалист «Премии Ивана Петровича Белкина», лауреат премии «Lo Stellato» (Италия). Произведения переведены на английский, французский, итальянский языки. В новом романе «Завидное чувство Веры Стениной» рассказывается история женской дружбы-вражды. Вера, искусствовед, мать-одиночка, постоянно завидует своей подруге Юльке. Юльке же всегда везет, и она никому не завидует, а могла бы, ведь Вера обладает уникальным даром – по-особому чувствовать живопись: она разговаривает с портретами, ощущает аромат нарисованных цветов и слышит музыку, которую играют изображенные на картинах артисты... Роман многослоен: анатомия зависти, соединение западноевропейской традиции с

русской ментальностью, легкий детективный акцент и – в полный голос – гимн искусству и красоте.

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	34
Глава третья	42
Глава четвёртая	69
Глава пятая	87
Глава шестая	107
Глава седьмая	123
Глава восьмая	139
Глава девятая	163
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Анна Матвеева

Завидное чувство

Веры Стениной

Значительная часть этой книги была написана в международном приюте для писателей, в шотландском замке Хоторден. Благодарю госпожу Дрю Хайнц за гостеприимство и щедрость, администратора Хэмиша Робинсона – за вдохновение и заботу, Олега Дозморова, Дмитрия Харитоновича и Бориса Ланина – за то, что помогли проложить дорогу в Шотландию.

Кроме того, я хочу сказать спасибо:

моим родителям – за всё; моему издателю Елене Шубиной, литературному редактору Галине Беляевой и другим сотрудникам лучшей в мире редакции – за профессионализм; Виталию Михайловичу Воловичу, Марине Соколовской, Никите Корытину и Татьяне Михайловне Троишиной – за то, что помогли Вере Стениной освоиться в мире искусства; Юлии Ильницкой – за то, что верила и веришь в меня; Татьяне Алексеевне Сабрековой, моей опоре и другу; Ройстону Тестеру – за то, что убедил меня в том, что число «42» ничем не хуже числа «40», если речь идет о количестве глав; а также Екатерине и Наташе Щербаковым, Анне Мкртчян и Екатерине Ружьевой – за дружбу

и поддержку.

Автор

*Дайте мне девочку в соответствующем нежном
возрасте, и она – моя на всю жизнь.*

Мюриэл Спарк

© Матвеева А.

Часть первая

Глава первая

Начать славную вещь так, чтобы любой мог заметить, что славная вещь начата, – это уже кое-что.

Гертруда Стайн

Евгения кричала так громко, что Вере пришлось положить трубку динамиком вниз. Теперь Евгения кричала в стол, как писатель без надежды на публикацию. И всё равно было слышно:

– Приезжай!

За окном – Грабарь. Берёзки – перепудренные красавицы. «Завидовать – нехорошо», – говорила Тонечка Зотова из старшей группы детского сада. Вера попыталась вспомнить Тонечку, но память не откликнулась, да и альбом с детскими фотографиями неизвестно где. Голосок-то звучал, а вот на месте лица детсадовской подружки чернел пустой овал – как в парках развлечений. Подставь физиономию – и превратишься в принцессу, разбойника или Тонечку Зотову, мастера моральной оценки.

Завидное качество – никому не завидовать.

Вера бросила мобильник под подушку. За стеной визжала дрель. Соседи вложили в ремонт всю свою душу, и теперь эта душа колотила и сверлила там с утра до вечера. А Вера, между прочим, работала дома. Точнее, пыталась работать – обычно дрель побеждала, и Вера уходила в кафе, как Жан-Поль Сартр, но и там было немногим лучше. Музыка, официанты, посетители. Кофеварка ворчит, ложки падают – не сосредоточишься.

Лару дрель не беспокоила – дочь спала под строительные визги чуть не до обеда, а проснувшись, смотрела на часы. Когда Вера впервые увидела, как Лара смотрит на часы, она решила, что дочь повредила умом. Так обычно смотрят на самых любимых людей накануне вечной разлуки. А здесь – часы. Три стрелки, вечный круг, квадрат нам только снится...

– Ждёшь чего-то? – спросила Вера. Вспомнила, как сама в детстве подгоняла часы с минутами.

Лара перевела взгляд на мать – точно стрелка скользнула по циферблату:

– Смотрю, как проходит время.

Вчера Вера сняла часы со стены и грохнула об пол – вот прямо с удовольствием! Секундная стрелка жалобно согнулась, минутная показывала на дверь – как пальцем. Иди отсюда!

– Полегчало? – холодно спросила дочь. Отвернувшись к стене и снова уснула – с подушкой-думочкой на голове. Она по-

стоянно спала – другие люди разве что в поезде столько спят. Или в больнице.

В телевизоре, который Стенины слушали, почти не глядя на экран, кто-то в очках спрашивал у какой-то белокурой:

– Когда ты в последний раз была счастлива?

Вера подумала, что в её случае честный ответ прозвучал бы так: «Я была счастлива, когда проснулась ночью и увидела, что до звонка будильника ещё целый час!»

Но в возрасте Лары, в свои собственные девятнадцать лет, Вера не стала бы смотреть на часы – наоборот, это они глядели на неё ночами с укоризной. Без десяти два у часов вырастали гневные испанские брови – где ты бродишь, почему не спишь?

Юные годы Веры Стениной пришлись на середину девяностых. Конечно, если бы её спросили, она выбрала бы другое время – да и место тоже. Но её не спрашивали, поэтому в девяностых Вера жила в Екатеринбурге, училась на искусствоведа и дружила с бывшей одноклассницей и будущей журналисткой Юлей Калининой, ныне известной как Юлька Копипаста.

Память заговорила, Лара спала, дрель верещала.

Пять минут назад Вере позвонила Юлькина дочь Евгения – годом старше Лары. Кричала в трубку, плакала. Сказала, что не может дозвониться до матери – та и вправду находилась с мобильником в сложных отношениях. Теряла, забывала, не слышала, случайно перезванивала и молчала. Вера

вопила: «Алло!» на дне сумки, а Юлька не отвечала. «Это тебе сумка моя звонила», – шутила потом Копипаста.

Прозвищем своим Юлька гордилась, так как заслужила его в честном бою с новым редактором родного журнала – его спустили на этот пост сверху, как Супермена. Он и был супермен, во всяком случае, с виду. Карандаш в кулаке – как зубочистка, из-за плеч не видно окна, и даже волосы такой густоты, что в парикмахерских с него брали «за две головы». А вот какие у редактора глаза, никто не помнил, потому что он постоянно улыбался и все отвлекались на эту улыбку. Глаза были всегда сощурены, цвет – на втором месте.

До того как приземлиться в редакции, Супермен работал в детско-юношеской спортивной школе – учил способных свердловских малюток основам карате. Эта профессия открывала в девяностые годы широчайшие возможности, и Супермен не стал ими пренебрегать. То есть он не светился рядом с главными авторитетами, но всегда присутствовал неподалеку. Первый справа за границей фотокарточки, он был, безусловно, своим.

Сейчас по пятам за Суперменом ходят дотошные журналисты, спрашивают – вы правда близко знали самого В.? И Мишу К.? А сами, скажите, убивали? Супермен в таких случаях отшучивается, и если журналисточка хорошенькая – может легонько дотронуться до её носика и напомнить о судьбе любопытной Варвары. Когда же разговоры про мафию девяностых заходят публично, в прямом эфире, Супер-

мен улыбается так, что вот-вот – и губы порвутся. Каким от него в этот момент шибает холодом! Будто это не живой человек, а сосуд Дьюара с жидким азотом.

Супермен цивилизовался первым, это о таких потом стали говорить – «Бизнес с человеческим лицом». Имелся рядом друг-советчик, сейчас проживает в Швейцарии – а тогда вовремя втолкнул бывшего спортсмена в политику. Двери там открываются редко и ненадолго – упустишь момент, жди следующего случая. Супермен не упустил – сначала стал депутатом городской думы, потом – областной, затем ткнулся в Государственную, и вот здесь ему впервые не повезло. Один журналист, москвич с уральскими корнями, спешно решал проблему обучения сына в Великобритании. Сын был способным, но не настолько, чтобы в Великобритании согласились учить его совсем уж бесплатно. Журналист срочно искал деньги, и тут подвернулся заказ – снять с дистанции Супермена. Слишком уж мускулистым показался, таким обычно не дают даже стартовать – а вдруг победят? В ход пошли документы, фотографии, записи телефонных разговоров – Супермен был осторожен, но молод и предвидеть всего не мог. Нервус рерум¹ – видеозапись всех свердловских авторитетов, где за одним столом сидели призраки легендарных лет, и рядом с В. засветился вполне узнаваемый, хоть и с дурацкой чёлкой, Супермен. Журналист получил свои деньги,

¹ **Nervus rerum** – дословно «нерв вещей»; самое главное, суть чего-либо; главное дело; важнейшее средство (*лат.*).

сын улетел в Англию, а Супермена сбросили с планеты «Государственная дума» на планету «Свердловский областной журнал». Аутсайдеров по традиции не спрашивают, чем бы им хотелось заниматься.

Журналистов Супермен вполне объяснимо ненавидел, хотя и не переставал улыбаться каждому своему сотруднику. Первым делом он решил освежить пространство, уволив самые неперспективные кадры. Ими были сочтены все, кроме спортивного обозревателя Корешева, который, впрочем, предпочитал восточным единоборствам плебейский хоккей – но с этим можно было что-то сделать. Прочих работников, включая узбекскую уборщицу, новый редактор собрал в своём кабинете, обставленном плюшевой, пыльно-зелёной мебелью, и рассматривал их, качаясь с пятки на носок. Улыбка у него была страшная, как у злодея, который вот-вот прикончит главного героя, но пока лишь наматывает хронометраж, расписывая в красках вехи своего трудного пути.

– Я с трудом понимаю, зачем сегодня нужны журналисты, – сообщил Супермен коллективу. – Вся информация есть в Интернете, бери да читай.

– А там она, по-вашему, откуда берётся? – возмутился корреспондент отдела культуры. – Журналисты и пишут.

– Я думаю, – сказал Супермен, не переставая улыбаться, – что мы будем брать материалы в Интернете. И нам не требуется такой большой коллектив.

Вот тогда-то вперёд шагнула Юля Калинина – ей не хва-

тало только знамени в руках! Вместо знамени Юлька держала в руках свежую газетную полосу.

– То есть будем копипастить?

– Чего? – испугался Супермен. Он был далёк от компьютеров, и нужные сайты для него открывала секретарша.

– Копипаста, – объясняла Юлька, размахивая полосой, – это воровство. Вы копируете текст в одном месте, а потом вставляете его в другое.

– Вставляете... – механически повторил Супермен, и слово это, без того сомнительное, прозвучало в его устах совсем уже неприлично.

Юлька улыбнулась. Какие ямочки! А ножки! Вот кого увольнять не следовало категорически.

– Товарищи, – это обращение Супермен подцепил в Думе, как вирусную инфекцию, и всё никак не мог вылечиться, – прошу разойтись по местам и приступить к работе.

Он решил, что освежит пространство в другой раз, и сосредоточился на том, чтобы Юля Копипаста разглядела в нём мужчину.

Между прочим, сама Юлька никогда не грешила плагиатом, но прозвище прилипло к ней намертво, как ценник – к дешёвой тарелке. А мужчину в Супермене разглядела бы всякая – даже узбекская уборщица выпрямляла спину, когда он шёл мимо. И Юлька тоже разглядела, хотя к тому времени уже побывала замужем и родила дочку Евгению.

...Евгения плакала, потом связь прервалась, а в груди Ве-

ры Стениной будто бы проснулась, расправив крылья, летучаямышь.

Завидовать – от слова «видеть».

Летучие мыши не могут похвастаться стопроцентным зрением.

Зависть Веры раскрыла глаза, они были голодные и чёрные, как у женщин Модильяни.

Почему именно ей всегда выпадает беспокоиться о Евгении?

Копипаста сама должна заботиться о дочери. У Веры – своё горюшко.

Лара.

Вера Стенина и Юлька Калинина учились в одном классе. Будущая Копипаста (тогда таких слов никто не знал, паста могла быть зубной или чистящей – как «Санита») обожала геометрию.

– Массаж мозга, – объясняла она свою слабость. Только скажут волшебное слово «дано», как Юлька уже подпрыгивает на месте. Тянет руку вверх, рукав школьного платья коротковатый, и манжетик не пришит. Вера Стенина никогда себе такого не позволяла. Свежие воротнички и манжеты с шитьем, стирать и гладить каждый вечер. И с геометрией у них было чувство взаимной ненависти. Учительница Эльвира Яковлевна (зелёная кофта на пуговицах и синяя юбка – все годы, с пятого по десятый класс) говорила:

– Стенина – единственный случай полной математиче-

ской глухоты в моей практике.

Вера списывала у Юльки контрольные, копировала непонятные решения, не всегда верные, но неизменно бурные доказательства. Вот кто был тогда настоящей копипастой!

Глубоко внутри себя (а там было и вправду глубоко – летучая мышь прокладывала новые маршруты каждый день) Вера считала, что делает Юльке одолжение. Списывая, она тем самым поднимала смешную, некрасивую Калинину до своего уровня. Что поделаться, если не всем «дано».

Дрель за стеной умолкла, возможно, пошла на обед. Вера отключила мобильник. Вот бесовы машинки! Все вокруг причитают – да как мы раньше жили без них? Вера считала, прекрасно жили. Если бы Юлька не отдала ей однажды свой старый телефон, так до сих пор и обходилась бы. Зато для Лары мобильник – лучший друг сразу после компьютера.

...Юлька была некрасивой с первого по седьмой класс.

– Прямо жаль девочку, – сокрушалась Верина мама, когда Юлька выходила, широко и глупо улыбаясь, на сцену актового зала. Читала стих:

Если бы Ленин пришёл сейчас к нам,
Он бы, прищурившись, просто сказал:
Стоило драться, жить, побеждать!
Спасибо, товарищи, так держать!

Читала звонко, стояла – руки по швам, как подчасок у Вечного огня. Их так учили. В частной гимназии, которую

окончили и Лара, и Евгения, была уже совсем другая мода на выразительное чтение: дети трясли головами, размахивали руками и так завывали в логическом конце фразы, как будто изображали ветер. Или волка.

Юлька была тощая, ножки торчали, как спички, воткнутые в пластилин. Одноклассник Витя Парфянко, уже покойный, к сожалению, говорил в таких случаях: «За шваброй может спрятаться». Лицо у Юльки удлинённое, нос – какой-то сложный, будто скроенный из двух разных. Девочки любили Калинину – некрасивых всегда любят. И бездарных – тоже. Если тебя вдруг все любят, имеет смысл задуматься.

Вот, например, Веру Стенину в классе терпеть не могли. На вопрос в девичьей анкете «Считаешь ли ты меня красивой?» респондентки честно отвечали: «Да, но ты слишком *высокамерная и не преступная*».

Вера была красивой с первого по седьмой класс. Во-первых, блондинка, искренне сочувствовавшая несчастным чёрненьким или пегим, как Юлька. Во-вторых, спортивная, ровненькая. Однажды малютку Стенину сфотографировали для ателье – портрет Веры висел в витрине несколько лет. Мама её наряжала – и портниха приезжала домой, и многое доставали по блату через тётю Таню из торго. А Юлька носила какие-то нафталиновые платья с древним плиссе или клетчатые юбки с залоснившимся подолом. Даже когда можно было уже покупать вещи на «туче», продолжала одеваться в «уралтряпку».

– И где тебе, Вера, мама такие сапоги достала? – спросила Юлькина мать в шестом, кажется, классе. Сапоги были правда сказочные. Белые, с присборочкой – и короткие, по щиколотку. Самый всплеск.

– На Шувакише, – сказала Вера.

– Боюсь спросить, сколько стоят.

– Двести.

Юлькина мать затряслась, как ребёнок-чтец из будущего.

– Двести?! Знаешь, Вера, если ты вдруг вырастешь из них или надоест носить, я бы купила для Юленьки.

– Ну мама! – взывала Юлька.

– Я бы купила... рублей за тридцать, пусть и ношенные.

Интересно, подумала Вера, а Юлька мне тогда завидовала?

Они дружили втроём с Олей Бакулиной, и эта Бакулина дорожила Юлькой – в гости каждый день звала, взбивала в её честь молочные коктейли. У них был миксер – редкая вещь. Веру хозяйка миксера всего лишь терпела, как ежедневный труд. Бакулина была в шестом классе прыщавой и страшно по этой причине страдала. Деликатная Эльвира Яковлевна, оправляя свою зелёную кофту проверенным движением – как шинель под ремнём, – однажды сказала ей при всём классе:

– Вот выйдешь замуж, Бакулина, и всё у тебя пройдет!

Прошло, конечно. Теперь Бакулина мало того, что без единого прыща, так ещё и живёт в Париже. Вера старалась

не думать об этом лишний раз: зависть могла разгуляться от подобных мыслей, она в последние годы стала неразборчивой, бесилась от всего подряд.

Вера один раз была в Париже с Копипастой, уже взрослая. Юльке подвернулся пресс-тур, она пристроила с собой Веру, а Лару и Евгению оставили с бабками. Пресс-тур проводили какие-то авиалинии, журналистов никто особенно не развлекал – и слава богу. Юлька с Верой целых три дня ходили по городу вдвоём.

Копипаста была счастлива: Париж! На рассвете высывалась из окна – пахнет любовью, кричала, и круассанами, маслеными! Вера боялась, что Юлька грохнется о мостовую, и не меньше боялась признаться даже себе самой, что может этому обрадоваться. Мусорщики гремят баками – в ритме «Марсельезы»! Крыши – серенькие, а дымоходы – рыжие, как цветочные горшки, только перевёрнутые! На уличном рынке посреди бульвара Распай Юлька углядела на прилавке мясника блестящие розовые мозги – и снова счастье! Представляешь, можно купить себе новые мозги! Или привезти кому-нибудь в подарок.

Угомонила Юлька только в Лувре. Вера где-то прочитала, что, если по пятнадцать секунд стоять у каждой картины Лувра, на всё про всё уйдёт ровно пять месяцев. Целых пять месяцев счастливой музейной жизни! В Лувре Вера могла бы много что рассказать Юльке – например, о том, как работал Тициан. Он отворачивал картины лицом к стене, а спу-

стя некоторое время набрасывался на них, как на врагов.

Вера пыталась рассказывать, но Копипаста её не слышала. А в Большой галерее и вовсе потерялась. Вера дважды обошла галерею – Юльки нигде не было. Она составила фразу на своём корявом французском: вы не видели девушку в синем платье? Высокую, красивую?

Летом, после седьмого класса, Юлька внезапно стала красивой. Всё, что прежде выглядело смешным, стало вдруг единственно верным – как доказательство сложной теоремы. Маленькие, широко расставленные глаза Вера считала поросычьими, – но выяснилось, что они не поросычьи, а как у Марины Влади. Чёрно-белый портрет Высоцкого и Марины, где он держит её за коленку, а она обнимает его за талию, будто они едут на мотоцикле, висел в спальне классной руководительницы. Та однажды попросила Веру с Бакулиной сбегать к ней домой – надо было срочно доставить в школу какую-то книжку. Квартира учительницы поразила Веру беспорядком и этой вот фотографией. В Марине Влади было нечто такое, что делает неважным возраст и успех.

– Какая красавица! – простонала Бакулина. Никто не знал, что ровно через год Бакулина будет говорить то же самое про Юльку. И не только Бакулина – все! У Юльки вдруг появились брови – такие ни за что не нарисуешь. Толстые губы, которыми Парфянко мечтал «медку хлебнуть», вдруг заняли на лице нужное место, и сложный нос внезапно стал аккуратным, как на монетке. Ну а самое грустное, что Юлькины

ноги были теперь не хуже, чем у первой выбранной в стране «мисс» – Маши Калининой. Однофамилица Копипасты улыбалась с обложки журнала «Бурда Моден», и дёсны у неё были одного цвета с помадой – бледно-оранжевыми, как незрелая хурма.

Прежде Вера не задумывалась о том, что женские ноги должны быть длинными, но теперь беспощадная правда стояла перед ней в лице Юльки – точнее, правда была в её ногах. Первого сентября Витя Парфянко, помнится, споткнулся взглядом о Юлькины ножки, а потом и просто – споткнулся. Копипаста была в тот день ещё и в очень удачной юбке – и проносила её до весны, пока не села на тополиную почку. А Вера Стенина, глядя на красивую Юльку, впервые ощутила внутри странный трепет. Маленькое создание, запятая, если не точка, открыло глаза и осмотрелось. Для существа, только-только увидевшего мир, у него был на редкость цепкий, внимательный взгляд.

Зависть была наблюдательной – как юнга.

Тем вечером Вера измеряла собственную ногу гибким портновским метром – от бедренной косточки и до пятки, прилипшей от волнения к полу. Цифра оказалась скромной, и Вера пыталась её забыть, но, разумеется, помнила. Помнит и по сей день – а вот нащупать с первой попытки бедренную косточку уже не может.

В Лувре Вера несколько раз бросалась следом за синими платьями, но в этом году они вошли в моду, их носили самые разные женщины – не только пропавшая Копипаста. В Большой галерее посетители разглядывали картины, а картины – посетителей. Это был такой особый, взаимный зоопарк. Лишь два портрета кисти Арчимбольдо, человек-Зима и человек-Осень, смотрели друг на друга и напоминали своими невесёлыми профилями районный стенд «Их разыскивает милиция». В юности Вера изучала этот стенд как групповой школьный снимок: лица доброй половины одноклассников выцветали на дневном свете.

У холста, где Юдифь держала за волосы голову Олоферна и смотрела на неё с деловитостью мясника, уважительно молчали подростки. Скульптурная Артемида одной рукой доставала стрелу из колчана, а другой придерживала за рожки любимую лань.

Куда же делась Юлька?

– Чтоб тебя! – рассердилась Вера. Издалека Джоконда укоризненно смотрела из рамы, поджав губы. Вера смерила картину ответным взглядом. Никогда её не любила – и вообще, любить то, что нравится каждому, это как жить в Свердловске начала девяностых: привезли на Центральный рынок партию румынских кофточек с чёрными «огурцами», и весь

город в них ходит, как в спецодежде.

Вот и с Джокондой так. Вера считала её славу преувеличенной. Она любила Дюрера, простодушного Конрада Витца², Венецию у Каналетто, любила Сарджента, Ренуара – и зрелого, и старого, с привязанной к руке кисточкой. У Ренуара всё такое мягкое, тёплое, текущее... Как будто объектив настраивается, не проявив картинку до конца. Повесьте напротив Джоконды портрет Жанны Самари – ещё неизвестно, кто кого.

Напротив Моны Лизы – «Свадьба в Кане Галилейской» Веронезе. Сто тридцать фигур, Иисус превращает воду в вино, но это чудо никого не волнует – нет, все смотрят на женщину в чёрном: сложила руки как ханжа...

За стеной, где висела «Джоконда», зал продолжался, и там у окна стояла Юлька. Рыдала в шейный платок, уже совершенно мокрый. Сопливые ниточки тянулись от него паутинной.

Верина летучая мышь дёрнулась внутри, как младенец: даже в зарёванном виде Юлька была красива. Поставь напротив «Жанны Самари» – неизвестно, кто кого.

– Да в чём дело-то? – спросила Вера.

– Не могу на неё смотреть!

– На кого? – не поняла Стенина.

² **Конрад Витц** – представитель швейцарской школы живописи, **Джон Сингер Сарджент** – американский художник, один из наиболее успешных живописцев *прекрасной эпохи*.

– На Джоконду!

Копипаста подняла опухшее лицо, шмыгнула носом. На фоне французского окна она сама была будто портрет в раме. Синее платье, голубые портьеры – что-то в духе Вермеера.

– Я не могу, потому что она всё про меня знает! И всё прощает!

– Ну прямо как Христос, – рассердилась Вера.

Юлька вытерла нос платком, хотела высморкаться, но вспомнила – он шейный, шёлковый. Вера достала из сумки пачку салфеток.

– Спасибо! Но я не могу пока к ней вернуться. Она такая... беззащитная! Мне её жалко, почти как тебя, Верка!

И Юлька снова зарыдала, да так, что два берета, проходящие мимо, мужской и женский, сочувственно сказали «о-ля-ля».

Вера с трудом вывела рыдающую подругу из зала, закрывая своим телом опасный портрет.

В начале десятого класса к Ольге Бакулиной приехала старшая сестра из Москвы, взяла академический отпуск.

Сеструха – так звала её Бакулина – быстро объяснила младшей что почём. Ей, как опытной гадалке, хватило беглого взгляда на групповой снимок класса.

– Вот эта, – красный ноготок царапнул фото Веры Стениной, – выскочит замуж самой первой. Потом ты найдёшь кого-нибудь. А Юлька будет долго выбирать...

Но сеструха ошиблась. Первой замуж выскочила как раз-

таки Бакулина – ещё на первом курсе юридического встретила мальчика *из области* и всего через год жила с ним в квартире на улице Куйбышева. Интересно, что на свадьбу не пригласили ни Веру, ни даже Юльку – и они довольно долго подозревали Бакулину в том, что та соврала им о замужестве. Что никакого мужа у неё на самом деле не было и нет.

Впрочем, какие-то следы его присутствия время от времени ощущались. Одно время Вера была так увлечена мыслью поймать Бакулину на вранье, что ходила к ней в гости на Куйбышева чуть ли не каждую неделю. Ольга не особенно радовалась. Сразу же торопливо уводила в кухню, где торчал, как древний курган в пустыне, пузатый холодильник «Орск». Времена стояли голодные, угощение не подразумевалось, а Вера Стенина всегда любила *покушать*. Однажды, ещё в школе, уничтожила в гостях у Копипасты шесть пирожков с картошкой. Но здесь на пироги рассчитывать не приходилось – Бакулина наливала голый чай, ставила пепельницу на стол и садилась напротив. Руки лодочкой, голова набок – аудиенция будет недолгой.

За мутно-стеклянной дверью кухни, кажется, мелькала чья-то тень, но вредная Бакулина не только не открывала дверь, но ещё и всовывала в щель кухонное полотенце – не дай бог распахнётся!

Вера Стенина уходила прочь с полным желудком горячей воды – и успевала заметить в прихожей лыжные ботинки мужского размера или газету «Советский спорт». Самого

мужа так ни разу и не увидела. Это была тайна почище йети или кругов на полях, о которых вдруг начали много и взволнованно рассказывать по телевизору.

– И я его не видела, – подтверждала Юлька. – Или он крапавец, и Ольга боится, что мы его отобьём, или жуткий урод, и она его стесняется.

Копипаста предложила подкараулить супругов у подъезда, но Вера не решилась. А потом Бакулина развелась со своим йети и уехала в Париж. Чем она там занималась, тоже оставалось тайной.

Юлька замуж и вправду не торопилась. На похороны Вити Парфянка, покончившего с собой по неизвестным причинам через год после выпускного, она пришла с таким мужчиной, что он произвёл на Веру даже более сильное впечатление, чем Витя в гробу. Как бы ужасно это ни звучало.

– Да ну его, – отмахнулась Юлька от Вериных восторгов и поздравлений. – Замуж зовёт. А я, Верка, вообще не хочу замуж, веришь?

Вера криво улыбнулась. Летучая мышь внутри тогда была ещё крошечной – даже нельзя было точно сказать, есть она или нет. А сейчас её, наверное, даже на узи можно увидеть – или на рентгене. Если попадётся опытный специалист.

– Верке и полагается верить, – вяло пошутила Стенина. Сама она к тому возрасту – им исполнилось по девятнадцать – страстно мечтала о замужестве. Представляла его в виде пушистого, мягкого халата, который лежал в приданом вме-

сте с *полсотней*, как говорила мама, льняных простыней. Там были ещё и скатерти, вышитые гладью и ришелье, были постельные комплекты с кружевными оторочками и фестонами, ночные рубашки, кухонные и махровые полотенца, сервизы – кофейный с золотом, столовый с абстрактным узором. Были тяжёлые, как слесарный инструмент, ножи и вилки в коробочках с бархатными углублениями – когда Вера проводила по этому бархату пальцем, у неё сладко и вместе с тем противно сводило спину.

Мама *припасла* отрезы ткани с названиями, которые хотелось писать с большой буквы. Названия звучали как имена. Даже не имена, а настоящие дворянские фамилии. Виконт де Мадаполам. Шевалье Батист. Граф Крепдешин. Были там, впрочем, и простонародная фланель, и сатин, и лён, и ситец, и ткань с подозрительным названием «бязь». И ещё – собрания сочинений. Достоевский, Чехов, Лев Толстой в коричневых переплётах... Но всё же тех, кому доводилось свести знакомство с этим кладом, поражали именно простыни – своим непостижимым количеством.

– Пятьдесят? – ужаснулась Копипаста, когда Вера предъявила ей однажды потайную нишу в стенном шкафу. – Да за каким фигом столько?

– Ну не знаю, – смутилась Вера. – Мама говорит, так принято.

– Пятьдесят простыней... – осмысляла Юлька. – Ими, наверное, можно весь ваш дом обмотать!

Она с удовольствием устроила бы этот перформанс в духе знаменитого художника Христо³, поэтому Вера поспешно захлопнула шкаф, от греха закрыв его сверху на железный крючок.

Юлькина мать приданым не озаботилась, тем не менее Копипаста выходила замуж целых два раза – а вот Стениной так и не довелось сменить фамилию. Мама долго сопротивлялась, но потом пустила в дело и простыни, и полотенца. Разутюживая капризный лён, бедная Верина мама спрашивала судьбу, зачем она обошлась так с её дочерью? Скатерти пошли на подарки – одну, с вышитыми тамбурным швом лиловыми васильками, получила Копипаста на свою первую свадьбу. Копипаста этого, разумеется, не помнит.

Звёздный час Стениной остался в детстве: к поре расцвета выяснилось, что Вера – из переваренных блондинок, бесцветных, как размякший лук. Фигурка неплохая, но из тех, что в одежде не оценишь. Как говорил Модильяни, все хорошо сложенные женщины в платьях выглядят на редкость неуклюже.

На выпускной вечер мама собирала Веру будто под венец. Платье по выкройке из «Бурда Моден» сшила портниха. Тётя Таня из торгога *достала* чёрные лодочки на каблуке, с острым носком и лакированными вставочками. «С рук» купили чешскую бижутерию, бело-жёлтые бусы и клипсы в тон –

³ **Явашев Христо** – американский скульптор, художник, представитель пост-модернизма, изобретатель техники ампакетажа.

мочки ушей гудели от этих клипсов, как при взлёте лайнера. Ещё были ажурные колготки и настоящая роза, пришитая к платью на живуюлку. Макияж Вера сделала себе сама – мама подарила ей набор «Ланком» с перламутровыми тенями и помадой, которая пахла вкуснее, чем любые духи. Но и духи, разумеется, были – «Исфаган». В Свердловске его называли «Испахан» – так звучало понятнее.

Юлька явилась на выпускной вечер в платье, сшитом из подкладочной ткани светло-голубого цвета, и в раздолбан-ных туфлях, некогда белых, а теперь испещрённых чёрными, как на берёзе, царапинами. Зато она сделала причёску – пышно взбила кудри, начесала чёлку. Улыбка, ямочки на щеках. И проклятые ноги!

– Похожа на Си Си Кетч⁴, – вздохнула Бакулина.

За аттестатом Вера плыла на сцену медленно, растягивала момент, как гармошку. Юлька, которую вызвали раньше, взлетела туда в три шага, потеряв по дороге одну из своих страшных туфель – засмеялась. Опять эти ямочки! Три мальчика, вот болваны – и красавцы, на подбор, – побежали к сцене, пока эта золушка прыгала там на одной ноге, и чуть не передрались из-за её туфли. А Вера мяла вспотевшими пальцами подол платья, и роза на груди поникла, как будто только сейчас поняла, что её сорвали – и что это уже навсегда.

⁴ **Си Си Кетч** – сценический псевдоним известной исполнительницы песен в стилях **поп** и **диско**.

Зависть – самое стыдное из всех человеческих чувств.

Свои права есть у ревности и у ненависти, и даже для жадности всегда находятся оправдания. Но не для зависти! Сказать: «Я завижду» – всё равно что выставить себя голышом на всеобщее обозрение, да не во сне, а наяву, да не в красивом двадцатилетнем теле, а в том, с которым живёшь бо́льшую часть своей жизни.

Вера Стенина решила, что отныне будет ненавидеть Юльку – это звучало достойнее. К сожалению, здесь была загвоздка, непереносимая, как гвоздь в ботинке.

Ещё в средней школе Вера влюбилась в родного Юлькиного брата Серёгу. А кто бы, интересно, не влюбился? Серёга курил с шести лет, в десять впервые попал в милицию, в тринадцать ушёл из дома – сняли с поезда только в Иркутске, поскольку Серёга ехал во Владивосток. У Юльки-Серёгиной мамы после этой истории левый глаз долго не просто дёргался, а ещё и непрерывно мигал – казалось, что бедная женщина вот-вот перегорит, как лампочка.

Серёгу обожали и мать, и сестра. Он напоминал юношу с картины Боттичелли «Портрет молодого человека с медалью в руке». Правда, у юноши – длинные, волнистые волосы, а Серёга носил стрижку, которую в конце восьмидесятых называли «брейк». Сбоку коротко, сзади – длинно и чёлка, как на детском рисунке, сосульками, да ещё и высветленная. Как у Хью Кияс-Бёрна в кинокартине «Безумный Макс».

Вместо Юлькиных ямочек на щеках Серёге досталась од-

на – на подбородке. И если у юноши с медалью эта ямочка походит на маленькую задницу, неизвестно что делающую на лице, то у Сереги она была аккуратная, словно ангел коснулся мизинчиком...

В общем, Вера влюбилась и переживала эту любовь, как тяжкую болезнь. В восьмом классе убегала с уроков, чтобы постоять в подъезде с вечным прогульщиком Серёгой – он почему-то не впускал её в дом, но и не прогонял.

Юлька долго ничего не знала про эти набегі Веры Стениной, пока Серёга однажды не проболтался.

– Верка, – укоризненно сказала Юлька. – У него целых три девчонки – Наташка из десятого «А», Лариска из пятого подъезда и Неля с улицы Ясной. Зачем тебе это?

Лучше бы она ударила Веру в сердце своей длинной ногой.

Через год после школы Серёгу забрали в морфлот. Вера не пошла на проводы, у неё тогда закрутился первый настоящий роман – похожий на отрезок, где точкой А стал первый поцелуй, а точкой В – прощание с «детственностью» (так, глумясь, Вера называла своё целомудрие). Она была так благодарна, что на неё обратили внимание! Даже не задумалась, близок ли ей этот человек и нужен ли он ей... Мавр ушёл, как только сделал своё дело (халтурно, честно говоря), – и Вера проплакала целую зиму.

А Серёга отбыл на остров Русский – поехал-таки в свой Владивосток. У военкомата его провожала целая толпа дру-

ганов с Бурелома и Посада, мама в слезах, сестра с озабоченным лицом, а ещё – Лариска, Наташка и Неля с Ясной. Серёга был обрит наголо и увенчан тюбетейкой, она сидела у него на затылке, как ермолка.

Все три девицы обещали писать, а Неля Ясная – *дождаться*. Не дождалась, конечно. Три года – это ж целая жизнь!

Серёга уходил в армию из одного города, а вернулся – в другой. Даже страна теперь была другая. Впрочем, он быстро сориентировался – он вообще был быстрый во всём. Тельник Серёга Калинин надевал лишь по святым мореманским праздникам и в считанные дни вписался в высший свет местной братвы. Его застрелили на разборках ясным майским утром – в те годы рядовое дело.

В теленовостях показали окровавленное тело на газоне и удивлённое, живое лицо на фотографии «с уголком». Юные усики – как мелкая расчёска, которую за каким-то баловством приложили к носу. В кадре щебетали птички.

Вера смотрела на всё это, прижав холодные пальцы к горячим щекам. Почему-то вспоминала не то, как они стояли в подъезде – она знала там каждую ступеньку, могла на слух определить дверной звонок во всех квартирах. Память выдала другой сюжет: в шестом классе Серёга увлёкся выжиганием и сделал маме ко дню рождения разделочную доску, на которой летали коричневые выжженные бабочки. Одна, с цифрами 3 и 9 на крыльях, улетала. А другая, с цифрами 4 и 0, садилась на цветок, над которым Серёгин выжигатель по-

трудился с особым тщанием. Доска по сей день красовалась на почётном месте в кухоньке Калининых – никто бы и не подумал резать на ней лук или пусть даже яблоки.

Любовь к Серёге, а после его смерть научили Верину зависть затихать – на долгие месяцы. Так можно было жить.

А потом всё, конечно, возвращалось.

Вера достала телефон из-под подушки. В детстве она прятала под подушкой свои самые главные сокровища: немецкого пупсика, морские камушки (на самом деле – зализанные морем кусочки стекла, похожие на монпансье) из Лазаревского, конверт с вырезанными из журнала «Работница» рецептами тортов, которые так никогда и не испекла. А маленькая Юлька засыпала с карамелькой за щекой – её мама часто брала ночные дежурства, она была сестрой в реанимации. Оставляла Юльку с братом, и тот, чтобы «мелкая не орала», ставил рядом с кроватью полную вазочку карамели. Должно быть, поэтому зубы у Юльки были плохие, желтоватые, как клавиши у старинного рояля, ложечка дёгтя в бошке красоты. И лечила она зубы без конца, вот и теперь ходит в стоматологию чуть не каждый день. Может, как раз сейчас и лечит, поэтому Евгения не смогла дозвониться?

Лара вышла из комнаты – в пижаме, нечёсаная – и напрямиком в кухню. На дверце холодильника уже третий месяц висела приклеенная Верой записка: «Хочешь есть? Иди спать!», но на дочь это не действовало. Она была вначале пухленькой, а теперь уже толстой, раскормленной.

Дрель завелась по новой. Вера включила мобильник.

Копипаста действительно не отвечала – Евгения говорила правду. Да и с чего бы ей врать? Сидит сейчас и ждёт, что приедет тётя Вера Стенина, разведёт тучи руками и решит все проблемы. Наверняка ерунда какая-то случилась – Евгения вечно преувеличивает, и слёзы у неё всегда близко, как и у Юльки.

А холодно-то как сегодня... Грабарь за окном! Брейгель! Константин Васильев!

Глава вторая

*Я любил свою темницу, потому что я сам её
выбрал.*

Оноре де Бальзак

Летучая мышь ходила кругами – вот ведь тварь рукокрылая! И тоже – раскормленная. Вера ещё раз набрала Юлькин номер, но на этот раз телефон оказался выключен.

Лара прошлёпала обратно в свою комнату – с банкой мёда и нарезанным батоном. Через секунду там победно завопил телевизор.

...Дружба – не любовь, её свернуть труднее – связующие нити торчат и лезут отовсюду, как в бракованных швейных изделиях, которые стали продавать в последние годы даже в дорогих магазинах. Мышь долгие годы нашёптывала Вере, что лучше бы им с Юлькой не видеться. Впрочем, однажды Копипаста сама отошла в сторону на целый месяц.

На втором курсе университета Вера Стенина, изучая историю искусства в теории, попала в компанию художников на практике. Совершенно случайно попала – кто-то привёл, познакомил, в юности это легко. Художников было пятеро, все в самом опасном возрасте – около тридцати.

О славе мечтал в этой компании каждый, о деньгах – четверо, а жить вне искусства не могли только двое. Вадим и Боря. Ростом Вадим был выше всех, кого знала Вера Стени-

на, – макушка парила под самым потолком. Блондин, румяные щеки, тёмная щетина – он редко брился, говорил, что бережёт кожу. Терпеть не мог, если кто-то был выше его – такие изредка, но всё же встречались. Забавно, что этот взрослый дяденька, как младенец, поглядывал на руки, когда речь заходила о том, где право, где лево – видимо, мама научила его определять это по мизинцам и он до сих пор нуждался в подсказке. Боря выглядел моложе и своих, и не своих лет – бывают такие вечные мальчишки, которым даже в тридцать лет отказываются продавать сигареты. Девушкам Боря нравился, выглядел *безопасно*, будил материнские инстинкты – ему, возможно, хотелось бы пробуждать другие, но тут уж кому что дано. Боря любил деньги, и это его спасло. Своевременное формирование финансового рефлекса – гарантия того, что человек покинет опасный мир богемы вовремя. Вадим был равнодушен и к зелёным, и к деревянным – все деньги одинаково быстро превращались в краски, хлеб, вино... Ещё и девушки постоянно просили купить то одно, то другое – в магазинах тогда уже свободно продавались итальянская косметика «Рира», бельё с цветным кружевом, сумки, собранные из кожаных клочков.

Вадим обожал Брейгеля, тогда как Боря молился на Пикассо. Между тем в Свердловске в то время был на пике моды Сальвадор Дали. Его альбом чудовищных размеров – настоящий увраж! – Вера и Юлька рассматривали в гостях у Бакулиной. Увраж привезла откуда-то всемогущая сеструха,

и браться за страницы разрешалось только после того, как помоешь руки под присмотром, как дошкольница. И обязательно снимали суперобложку.

Вера была увлечена новой компанией всецело. В юные годы так часто происходит: выбирается образ жизни, сообщество людей, группа единомышленников. И там, внутри этой группы, всегда находится кто-то самый яркий, в кого девочки неизбежно и неудачно влюбляются. Сейчас на общем фоне выделялся, конечно, Вадим. Первым из всех ему удалось получить собственную мастерскую, где теперь околачивались все пятеро плюс девушки. Вадим просил не приходить по вторникам и пятницам – в эти дни он работал. Однажды Вера шла мимо мастерской с Борей и заметила, что спутник её смотрит на окна Вадима, как любовник – на неверную женщину.

– Работает, прямо сейчас! – Боря сказал это с такой тоской, что Вера пожалела его так же отчаянно, как жалела до той поры только себя. Поэтому и пошла в тот вечер к нему домой, в съёмную комнату. Это была даже не комната, а какой-то занорыш со сломанной тахтой – и от Веры с Борей получилось так много шума, жара, звуков и запахов, что можно было задохнуться. Боря жалобно покрикивал в процессе – ни дать ни взять голодная чайка – и на его крики (редкие, по всей видимости, в этом пейзаже) откликнулась соседка.

– Борис, с вами всё нормально? – встревоженно спрашивала она из-под двери, а потом ещё долго стучала в неё со-

гнутым пальцем. Бороина голова лежала на груди Стениной, и оба они, честно сказать, походили в тот момент на два трупа, сброшенных в угол прозекторской.

Как художник Боря был значительно интереснее. Вера упивалась его картинами. Шизофреническое внимание к деталям. Ни одной случайной – или же излишней – линии. Свет и цвет на равных. И, главное – бешеная мощь, сила, энергия! Всё забрали эти картины, ничего не осталось художнику для жизни.

– Надо же... какой тестостеронный... – проронила на его первой выставке заезжая критикесса.

Вскоре Борю заметили, он перебрался в Москву и не потерялся – хотя там и без него хватало художников. Сейчас он пишет очень специфические картины и, согласно договору с агентом, *не имеет права менять свой стиль*.

Однако личная драма Стениной была связана не с Борей, а с Вадимом. Хотя без упоминаний о Боре здесь всё равно не обойтись.

После криков чайки Вера с Борей избегали друг друга, ни о каком продолжении не могло быть и речи. Боря стал больше работать, снял какой-то подвал под мастерскую – к нему приходили туда и друзья, и натурщики. Ещё год – и начал готовиться к выставке. Остальные трое живописцев на тот момент времени тратили все свои силы на то, чтобы завидовать Боре и Вадиму. Для творчества оставались такие ничтожные крохи, что их было проще не замечать. Сами отомрут.

И всё же компания держалась. Зависть нуждается в постоянном окормлении, она всё оправдывает и покрывает – прямо как любовь у апостола Павла. Девушки, вино, пепельницы, набитые окурками (одна из них – металлический сапог – до сих пор стоит у Веры Стениной перед глазами как живая)... Сегодня идём в подвал к Борьке или в мастерскую к Вадиму – лишь в этом был вопрос.

Однажды Вера привела с собой Юльку Калинину.

Чувствовала – нельзя этого делать! Вадим выделял Веру словно любимую краску, искал взглядом – едва только толпа вырастала на пороге. Он был скуповат на цвета, считал белёсость признаком породы и заявлял, что самые красивые женщины живут в Скандинавии. Вера была *ego типа*, к тому же она освоила красную помаду и носила чёрный берет, – иногда даже не снимала его специально в мастерской, видела, как любитесь ею Вадим. Она никогда в жизни не была такой хорошенькой, как в ту зиму.

Вот здесь и появилась практикантка Юлька с просьбой от редакции городской газеты. Срочно требовалось интервью с Вадимом – и Юлька нахвасталась на планёрке, что подружка-искусствовед обеспечит беседу в два счёта.

– Ну, я тебя очень прошу, Верка! – ныла Юлька. Пришлось согласиться, хотямышь билась, как птица в клетке.

Вера сделала всё, что могла. Убедила Юльку не наряжаться, ни в коем случае не надевать короткую юбку. Именно в тот день попросила напрокат лучшую Юлькину кофточку и

залила её чернилами.

Они встретились у мастерской.

– Юлька, ты помни на всякий случай, что это *мои люди*, – сказала Вера, прежде чем открыть дверь.

Дальше всё было предсказуемо и больно. Вадим с Юлькой долго курлыкали над диктофоном – пока не закончилась плёнка в кассете. Юлька перевернула кассету и снова включила запись. Гости один за другим уходили, у Бори в тот вечер, как назло, ждали модную художницу из Питера. Юлька, Вера и Вадим остались втроём. За окном зрели сумерки – сине-зелёные, как отцветающий синяк на бедре вчерашней натурщицы.

Вера просидела бы в мастерской хоть до самого утра, но Вадим вдруг обнял её за плечи и шепнул:

– У тебя очень красивая подруга.

Шёпот и тёплая рука на плече не подходили этим словам, и Вера не сразу осознала, что Юлька и Вадим смотрят на неё, как на муху, залетевшую в дом. Задача о трёх телах требовала срочного решения, поэтому Вера ушла, держась, точно старуха, рукой за стены. Распахнула дверь подъезда – ледяной ветер напал на неё, бросив в лицо горсть колючего снега.

Перед глазами расплывались утоптаные дорожки и почти нетронутые белые поля, где темнели неглубокие ромашки собачьих следов.

Летучая мышь вцепилась Вере в горло и не разрешала уходить – пока не погаснет свет в окне мастерской. Только

тогда она побрела домой и долго рыдала в своей комнате – даже выгнулась в истерическую дугу и сама испугалась, какое это ей доставило удовольствие. Вера Неврастенина.

Плач её временами напоминал хохот, соседи стучали в стену, а мама сидела рядом и гладила Веру по плечу, которое всё ещё помнило другое касание.

Наутро Юлька не позвонила. Решила больше не общаться с Верой – так было честнее. Но уже через две недели после того, как вышло интервью в газете, Вадим обозвал Юльку душой.

– Твоя подруга очень меня подставила, – с упрёком сказал он Вере. – Хоть бы показала вначале... Там столько ляпов!

Юлька на «дуру» обиделась – тем более что в газете все сказали, интервью отличное. Её даже *отметили на летучке!*

Вера не собиралась читать это интервью, не хотела даже думать о нём – но зачем-то пошла тем же вечером в мастерскую. Был вторник, запретный день, Вадим трудился над портретом: женщина сидит спиной к зрителю, любитесь пейзажем. Отвернувшаяся Джоконда.

– Сними ты свой берет, жарко ведь, – сказал художник Вере. – Каждый раз думаю: почему она его не снимает?

Вера послушно стянула берет, почувствовав запах своих волос – так пахло от хомячка, который жил в детстве у Бакулиной. Ему бросали в аквариум грязную вату из ушей.

– Я пойду, – сказала Вера, но Вадим был слишком занят своей работой, чтобы ответить.

Впоследствии он стал по-настоящему знаменит, Вере часто попадаются статьи о нём и каталоги выставок. Отвернувшуюся Джоконду – «Вечер Юлии» – приобрели для частного собрания знаменитого коллекционера Дэвида А.

А Юлька пришла к Вере с повинной через месяц – и даже летучая мышь была рада её возвращению.

Глава третья

*Пора расцвета может легко пройти
незамеченной.*

Мюриэл Спарк

Тонечка Зотова, философ из детского сада, по-прежнему оставалась невидимой. А ведь эта девочка, лицо которой память так и не смогла проявить до конца – оно расплывалось и ускользало, как пейзаж Моне, – была до отказа набита ценными сведениями.

– Завидовать – нехорошо!

– Ногами болтать нельзя, а то у тебя мама умрёт!

– Не закатывай глаза, Верочная! Стукнут по голове, такой и останешься!

Тонечка твёрдо знала, что, если у человека выпала ресничка, нужно вначале спросить, из какого глаза, а потом – загадать желание. Трамвайный билет со счастливым номером – разжевать и проглотить, лавровый лист в тарелке с супом – это к письму, а если встать между воспитательницей и нянечкой (обе были милые Людмилы), то сбудется всё, что пожелаешь!

Интересно было бы встретиться с этой Тонечкой сейчас, мрачно думала Стенина, выкапывая из кучи выстиранного, но невыглаженного белья тёплые колготки. Интересно было бы узнать, сколько желаний сбылось в жизни у этой дуры.

В юности Вера носила тонюсенькие колготки, чёрные или бежевые, «телесные», как тогда говорили. Бакулинская сеструха объясняла, что телесные – элегантнее. Даже зимой Вера Стенина отважно щеголяла в капроне, хотя мама умоляла *поддевать* короткие тёплые штанишки. Поверх колготок, Веруня! Не видно будет! Вера сбегала вниз по лестнице – и от мамы, и от штанишек. Ноги мёрзли страшно, бёдра под капроном отливали красным и ещё долго потом согревались в тепле какой-нибудь мастерской или видеобара «Космос», где было модно вечерять в девяностые.

Однажды Вера с Копипастой выпивали в компании, и Юлька уронила на ногу пепел от сигареты. Прожгла дыру в колготках, а юбка была короткая, Копипаста других не носила. Зашивать капрон суровой ниткой никто бы не стал, и тогда одна женщина, уже *возрастная*, как сказала бы мама, вырвала у себя длинный волос, ловко всунула его в иглу и зашила колготки прямо на Юлькиной ноге. Шов был замечен, конечно, но это лучше, чем дыра. Такой тоненький чёрный червячок.

– Спасибо, обращайтесь, – сказала умелица и тут же ушла – из компании, из комнаты, из памяти, а вернулась только сейчас, когда Вера одевалась, чтобы ехать к Евгении.

Вместо того чтобы работать.

Стенина любила свою работу – потому что сама её выбрала. В программе старших классов у них была эстетика. Учительница с мягким именем Эмма Витальевна водила

школьников на кинопоказы в «Автомобиль», Дворец культуры «Автомобилист», – его директор, милый тихий человек в берете (он его никогда не снимал, прямо как Вера в мастерской), показывал кино, даже если в зал пришли всего двое: юная Вера и огорчённая эстетической глухотой десятых классов Эмма Витальевна. Стенина, та ничуть не огорчалась: ей нравилось смотреть фильмы в пустом зале – никаких посторонних голов в кадре, никто не смеётся и не бежит в туалет. Сокуров, Феллини, «Анна Каренина» с немецкими титрами («Верочка, у Гарбо был сорок первый размер ноги», – жарко шептала Эмма Витальевна, и в этом шёпоте тоже была своя эстетика). Монах Кирилл в «Андрее Рублёве» сказал слова, которые Вера помнит до сих пор: «Завидовал я тебе, сам знаешь как. Так глодала меня зависть, это ж просто ужас. Всё во мне изнутри ядом каким-то подымалось».

Кроме того, Эмма Витальевна приносила в класс диафильмы и проектор – мальчики под руководством Вити Парфянка завешивали окна чёрными шторами, чтобы смотреть адского Босха и райского Микеланджело и то, как отдыхает фавн и умирает галл.

Именно на этих уроках Вера впервые поняла, что видит искусство решительно не так, как все. При первом же взгляде на репродукции или слайды у неё обострялись сразу все чувства. Как у Дамы с единорогом на средневековых гобеленах. Как в хороших книгах. Как в те редчайшие минуты, когда ты счастлив, а впереди – вся жизнь, ну, или по крайней

мере лучшая часть.

Вера вздрагивала от крика мальчика, укушенного ящерицей. Затыкала уши, чтобы не слышать страшного плача Евы у Мазаччо. От Евы с Адамом пахнет пряными райскими травами, но вскоре оба забудут этот аромат, и только Веру он вечно бьёт по носу, как божественный перст. А то гулкое молоко из кувшина вермееровской кухарки? Если подставить палец под струйку, кухарка не больно, но крепко шлёпнет по ладони. Поющие ангелы Гентского алтаря – сразу слышно, кто там сопрано, а кто – в альтях. Вера слушала ангельский хор, и глаза слепило от света, как от снега, и туфли намокали от росы и прохлады зелёной травы... Ослик и бык согревали дыханием ясли, святой Иоанн, как мальчишка, громко глотал слёзы, а Иуда так нестерпимо шелестел плащом, обнимая Христа, что школьница Стенина слышала этот шелест даже сквозь шум диапроектора «Экран-3». До неё долетал и ветерок, поднятый жёлтым плащом, и жар от пламени факелов, похожих на лохматые рыжие швабры. При этом Вера Стенина ни за что не смогла бы разрыдаться перед Моной Лизой. И не только потому, что не любила её, просто семя далеко не всегда прорастает в подготовленной почве – иногда ему нужна целина.

Вера поступила на факультет искусствоведения и культурологии, не зная, кем станет работать, – она вообще не представляла, к чему приведёт её любовь к искусству. Это была несомненно любовь, но что из неё получается впоследствии

– и получается ли хоть что-то – большой вопрос во всех случаях.

Мама была, конечно, против искусствоведения. Мама – мещаночка, в девяностых её мир был разрушен вместе с государством, до основания, без «затем». Тетю Таню поспешно вытурили из торго на пенсию, портниха поступила на курсы секретарей-референтов, подруга Эльза засадила весь огород картошкой. Всё, ради чего мама жила, всё, о чём мечтала – накопить денег на достойную жизнь для Веруни, – сгорело в эти годы. Стенина отлично помнила тот чёрный день девяносто первого года, когда мама разбудила её страшным воплем:

– Веруня! Деньги – всё!

После дефолта мама уже никому и никогда больше не верила.

Она мечтала, чтобы Вера поступила учиться на *бухгалтера*, это была самая модная в девяностых профессия, но дочь даже думать об этом не желала. С её-то математикой! Да пусть бы даже хорошо было с математикой, сесть на цифры на всю жизнь? Вера допускала, что для кого-то и цифры могут быть живыми, но ей они – скука, зевота. Даже годы жизни любимых мастеров Вера запоминала с трудом, позорно путалась в римских *крестиках и галочках*.

Мама была против, но Вера тогда уже вошла в силу – не переспорить.

В университет она поступила легко. Эмма Витальевна бы-

ла счастлива – ещё лет десять изводила Веру телефонными звонками. Одинокая тётка, вечерами она теперь смотрела фильмы, с каждым годом постепенно съезжая вниз по шкале от арт-хауса до картин рядового состава, а потом и вовсе ухнула куда-то в сериалы.

Юлька *прошла* в тот же год на журфак (конкурс был просто бесчеловечный – журналистика стала второй модной профессией эпохи), но по-прежнему брала в библиотеке сборники задачек по геометрии. Когда она их решала, смотреть на неё было неприятно – с таким невидящим лицом другие люди щёлкают семечки, уносясь грёзами как можно дальше от газеты с чёрной шелухой.

Вера же, открыв в себе особенное (5D, сказала бы Лара, чувство), никак не могла понять, получится ли из него какая-то профессия. Рисовать она не умела, как и лепить из пластилина. Даже банальный торт «Прага» не могла украсить: крем (полбанки сгущёнки, какао плюс *распущенное* масло, как было сказано в рецепте), дрянь такая, не желал ложиться ровно, какие уж там цветочки и загогулилки. В процессе борьбы за образование выяснилось также, что Вера с трудом понимает перспективу и не осознаёт важности наличия в картине фокальной точки. Она всю жизнь стиливалась с чем-то подобным: как только курс чего бы то ни было менялся с практического на теоретический, ей тут же становилось тоскливо до дурноты.

К примеру, философия. Восхитительная, дерзкая наука,

будучи расфасована по школам и эпохам, сведена к формулировкам и понятиям, которые требовалось чеканить – как профиль императора на медали, – эта философия превращалась в угрюмую, как работы Эндрю Уайета, преграду между Верой и сессией. Философию членили, упаковывали в экзаменационные билеты, а бедную Веру ставили перед фактом: она должна видеть разницу между Аристотелем и Платоном и обязана формулировать её вслух, чтобы экзаменатор не сбивался с мерного покачивания головой, в том же ритме выставляя в зачётке нужный балл.

– Ну и пусть тройка по философии, зато у вас завидное чувство восприятия, – утешал Веру старенький лектор, читавший историю искусства двадцатого века. У него были усы, как след от копыта, и длинные волосы, седые с желтизной, будто прокуренные. – Завидное чувство! Вам нужно всего лишь научиться говорить об этом.

Легко сказать!

Вера совсем не умела сказать легко.

– Блеяла, как овца, – смеялась Юлька, которую Вера пригласила на защиту курсовой работы – в первый и последний раз.

С учёбой приходилось бороться, зато летучая мышь вела себя в университете тихо, как будто понимала: если засекут, то выставят за порог в два счёта! Юлька же была вся в своём журфаке, писала заметки в «На смену!» – и получала трёхрублёвые гонорары почтовым переводом.

Мама со временем научилась гордиться Верой – рассказывала подругам, что дочь пошла *по линии искусства*. Она даже отыскиала на антресолях пачки альбомов, перевязанных бельевыми верёвками и с облегчением стряхнувших с себя эти верёвки, как это, вне сомнения, сделает однажды *Скованный пленник* Микеланджело.

Так Вера нашла альбом «Избранные картины» – автор Клара Гараш, перевела с венгерского Валерия Маркова, издательство «Корвина», Будапешт, 1967 год. Нашла и вспомнила, что в детстве часто смотрела этот альбом – да не одна, а с какой-то женщиной, у которой были душистые маленькие руки. Пястные косточки чётко проступали под нежной кожей, и это было как-то связано с пианино, где для каждой клавиши проложен путь под крышку – там всё загадочно-бархатное, и витой шнур, и мягкие удлинённые подушечки... *Веруня, не смей лазать под крышку, только что настроили!* Женщина, кажется, слюнявила палец, чтобы перелистнуть страницу, Вере это было неприятно. *Фенгеры, бакенклёцы, итеги и педальные лапки. Девочка не мешает, она такая прелесть, верни камертон, пожалуйста.*

У женщины был перстень, вспомнила Вера. Оправа с какими-то завитками, а камень – горбатый, прозрачный и серый, как мёртвая рыба, в животе которой могло бы путешествовать то самое кольцо.

– Мама, откуда у нас эта книга?

– Не помню, – ответила мать так быстро, что сразу стало

ясно: она готовилась к ответу и она врёт.

Твёрдый тканевый переплёт, на ощупь и цветом – как мамин любимый костюмчик, бежево-бязевый. Суперобложка, конечно, не сохранилась, но репродукции были на месте – как и Верины воспоминания. Она сама удивилась тому, как же они пролежали между страниц все эти годы, нетронутые, словно листья из гербария? Вера помнила даже небрежно пропечатанные краски, что уж говорить про сюжеты! Мадонна Лоренцетти всё так же походила на покойную бабушку, а правая кисть её руки с широко расставленными перстами напоминала корону, которой на следующей странице увенчана Иродиада. А отрубленную голову несут на блюде, словно угощение! И всё у этого Сано ди Пьетро в точности, как объясняли на лекциях по готике: изначально персонажи ходили по земле на цыпочках, пока Мазаччо не поставил живопись «на ноги».

Женщина с перстнем объясняла, что бумага в альбоме «лощёная». Вере, как в детстве, не нравились линии на лице у королевы Кипра Катерины Корнаро⁵, и возмутительно рыжая борода мёртвого Христа на десятой странице, и особенно святая Дева Сурбарана, что с невинным видом топчется на детских головках. Жаль было несчастную корову Саверея, которую грызло сразу три льва (а животик у коровы – белый, а на лбу – кудряшки)... Золотая, блестящая туша в лавке мясника у Рембрандта – продолжение сюжета, но туша

⁵ «Портрет Катерины Корнаро, королевы Кипра» работы Джентиле Беллини.

пугала не так, как «Пытка» Алессандро Маньяско⁶. Маленькая Верочка в этом месте всегда зажмуривала глаза и теперь, студенткой, сделала то же самое. Головы неизвестных супругов, запечатлённых Ван Дейком, лежали на кружевных арлекинских воротниках, как на блюдах, – «брыжи», говорила женщина с перстнем.

В той же связке обнаружили ещё два альбома – и тоже сразу вспомнились. Рокуэлл Кент – чёрно-белый, как зима, и Лукас Кранах, страшные распятия, Иоганн Куспиниан, похожий на женщину, и мать Мартина Лютера, как будто спрятавшая язык под губу. И так много голых тел! Слишком много для маленькой девочки. Последняя репродукция в альбоме Кранаха – ревность. Двое голых мужчин делят женщину, и она тоже – без одежды. Ещё одна задача о трёх телах.

Мама упрямо гремела в кухне кастрюлей, как будто пытаюсь прогнать шаманскими звуками неприятный разговор, – но Вера не отступилась, отняла кастрюлю и, прижав её к груди как щит, спросила, что за женщина листала с ней вместе альбомы Кранаха, Рокуэлла Кента и тот, большой, издательства «Корвина»?

– Как ты это вспомнила? – поразилась мама. – Совсем ведь крошка была! – На губах зацвела опасная улыбка, сейчас мама свалится в сладкий морок собственной памяти... –

⁶ **Франсиско де Сурбаран** – испанский художник, представитель сеvilьской школы живописи. **Рулант Саверей** – фламандский живописец, один из основоположников анималистического жанра в нидерландской живописи. **Алессандро Маньяско** – итальянский художник эпохи барокко, мастер геноуэзской школы.

Такая хорошенькая, лучше немецкой куклы! Я всё тебе покупала, Веруня, у тебя всё было самое дорогое, дефицитное. Я себе отказывала, недоедала, лишь бы девочку мою одеть-обуть, накормить повкуснее. Даже пианино купила!

– Я помню, – сказала Вера. – Чёрное.

– Да. Его настраивать надо было каждый год. Ты ещё не играла, я только собиралась тебя в школу отдать. Настройщика позвала.

Мать всхлипнула, а Вера вспомнила вдруг что-то очень плохое: стыдные вещи, слёзы, и кто-то бежит через всю квартиру, а за ним тянется одежда – как длинный хвост. Мама плакала, и Вера зачем-то вернула ей кастрюлю.

– Настройщик стал ухаживать, я думала, серьёзный мужчина. Мы в кино ходили, на «Экипаж». В цирк ходили, в старый ещё. В музкомедию.

– Мама, не надо перечислять, куда вы ходили, – рассердилась Вера. – Дальше что?

– Он привёл девушку, сказал, это его сестра. Такая расфуфыренная. Сидела с тобой, книжечки листала. У неё был какой-то блат, она могла ездить – и ездила. Венгрия, Румыния, Польша. Привозила эти книги, предлагала купить – я и покупала, дура. Думала, в приданое пойдут. Раз попросила их с тобой посидеть, а сама побежала к тётке Тане в торг, там боножки давали. Вернулась, а ты стоишь в комнате и смотришь, как они... как они...

– Вот это да! – сказала Вера.

– Я ему так саданула коробкой с босоножками! – Мать ударила кастрюлю по дну, и та зазвенела победным гонгом. – И тварь эта получила! На твоём диванчике, можешь себе представить? При ребёнке! Они ещё и ограбить нас планировали, я потом догадалась.

– Может, просто извращенцы, – сказала Вера. Тайна рассеялась, ей было жаль, что пыль времени скрывала такой пошлый рисунок. А мама никак не могла успокоиться – рассказывала, как продала пианино, чтобы «глаза не смотрели», но альбомы решила оставить, закинула на антресоли.

– И тут вдруг ты со своим искусством!

«Искусство – обезьяна природы» – этой фразой Юлька понимала Веру почём зря. Сама же отчаянно увлеклась политикой, к сожалению, местного разлива. Вера считала, что в Екатеринбурге не может произойти ничего особо интересного, но Юлька спорила: «Историю будут писать у нас». Она быстро научилась разговаривать не обычными словами, а газетными заголовками или даже целыми *врезами*.

Неудачу с Вадимом Юлька пережила быстро, как это умеют делать только истинные красавицы. А вот Вера прострдала целый год, будто в тюрьме отсидела. Даже годы спустя, когда видела картины Вадима, сразу глохла и слепла – слишком много боли для отстранённого любования... Хотя, если честно, любоваться ими в принципе было сложно – с годами портреты Вадима стали безжалостными, а он полюбил писать именно портреты.

Вера, страдая, работала над очередной курсовой – хотела писать о Ренуаре, а дали Гюстава Курбе, и спасибо, что не Денисова-Уральского. Юлька же тем временем познакомилась с весьма оригинальным молодым человеком, решившим посвятить свою жизнь царским останкам.

Вообще, Юлька каждый день с кем-то знакомилась – это было и требование профессии, и естественное свойство личности. Охотно открываясь незнакомцам, Юлька брала у них что ей нужно, после чего отпускала на свободу – как птиц из клетки. Конечно, попадались и такие, что не спешили улетать, даже норовили поглубже забиться в угол, но Юлька вытряхивала их из своей жизни беспощадно.

Вера завидовала этому её умению – с лёгкостью избавляться от лишних людей: подобной виртуозностью могла похвастаться, пожалуй, лишь великая русская литература. Или же история двадцатого века. К тому времени зависть уже стала полноценной частью Вериного существа – одним из тех органов, что так таинственно и сложно действуют внутри каждого человека, пусть даже – лишнего. Вера носила её в себе, как дитя, которому не суждено появиться на свет.

«Человек с останками» был представлен Юльке на какой-то газетной пьянке – он был молод, косолап и напорист, как струя из пожарного ствола. Перекрикивал магнитофон, изрыгавший из себя Алёну Апинову: *Мой долг, как человека православного, отыскать святые останки помазанника Божьего*. Вера, когда Юлька пересказывала ей, кривляясь, эту

речь, вдруг вспомнила строки Гейне – совсем недавно проходили по зарубежке:

*То, что пророчила звезда,
В сражении мы узнали.
Где ты велел, там были мы
И прах короля искали.*

*И долго там бродили мы,
Жестоким горем томимы,
И все надежды оставили нас,
И короля не нашли мы.*

Возможно, благодаря этим строкам история косолапого искателя показалась Вере трогательной – она захотела с ним познакомиться. Это было легко: он распространял духовную газету в коридорах университета. Высокий мальчик с бородой, лицо сердечком, а брови такие, что хочется провести пальцем – сначала по одной, потом по другой. Зовут Валентин. «Валечка», – подумала Вера. Она смущённо вертела в руках духовную газету, не зная, что с ней делать.

– Завтра раскоп, – поделился Валечка, обращаясь напрямую к Юльке. Эта манера была Вере хорошо знакома: мужчины, глядя на Юльку, слепли, не замечая никого вокруг, и Стенина оказывалась равна вот именно что стене. Подавая Юльке руку на выходе из автобуса, никто не помнил про Веру – что ж, зато она научилась ловко спускаться на самых

высоких шпильках с самых крутых ступенек.

Валечка говорил только про царские останки. След от сабли японского самурая, феномен Анастасии и оторванный палец Александры Феодоровны... Когда Юлька написала заметку про долгожданный раскоп в Поросёнковом логу, Валечка долго мучил её своими вычурными, архаичными какими-то благодарностями, с вензелями и приседаниями.

– При этом он меня почему-то очень волнует, – призналась однажды Юлька. – Проклятый мешок с костями! *Надо переспать и успокоиться.*

Валечка призыву не поддался, чем весьма озадачил Юльку и удивил Веру. Копипаста едва не заболела с досады, вызвала мальчика на откровенный разговор – и тогда он пробубнил, глядя на Юлькины коленки, что *эти отношения возможны только после того, как мы обвенчаемся. Ты будешь первой у меня, а я у тебя.*

– После этого мы будем, по всей видимости, искать царские останки – всю оставшуюся жизнь, – смеялась Юлька.

Вера не смеялась – Валечка казался ей особенным. Кто бы ещё смог так наивно верить, что Юлька по сей день пребывает в девушках? Копипаста, отсмеявшись, рассудила, что проще будет уступить Валечке – хочет отдаться ей только после штампа, так тому и быть. Она не против!

Старшая Стенина восприняла эту свадьбу как личное несчастье, о котором даже говорить больно. А у Юлькиной мамы впервые после Серёгиной смерти перестало дёргать

в боку и отдаваться в груди – точнее, оно по-прежнему дергало и отдавалось, просто мама этого почти не замечала. Юленька выходит замуж! Хотя как играть свадьбу – непонятно. Во что наряжать молодую – тоже.

– Распишемся, и всё, – твердила Юлька. Она жадно смотрела на Валечку, а он всё чертил какие-то таблицы и просматривал глаза ночами – любовался юными царевнами. Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия... Юлька не ревновала – бедняжек давным-давно не было на свете.

Вера ожидала Юлькиной свадьбы, как ждут боли после слов врача: «Сейчас придётся немножечко потерпеть». Её собственные мечты о замужестве хранились там же, где все прочие, – на свалке памяти. Мышь грустно летала над ними, наматывая круги, точно самолёт, которому не дают посадку.

Венчались в крошечном храме, похожем на игрушечный, – жених был здесь алтарным служкой. Юлька нарядилась в платье из марли, в тёмных кудрях белели пластмассовые заколки с висюльками. Вера надела строгий бархатный костюм и шарфик с люрексом – он царапал ей шею, как будто был связан из проволоки. Первую брачную ночь молодожёны провели у Юльки, мама деликатно уехала к родне, в Каменск-Уральский.

Наутро и Вера, и мышь ждали звонка от Юльки – но та не позвонила, хотя обещала как можно скорее рассказать «всё-всё-всё». К вечеру Стенина решила набрать Юлькин номер сама – в трубке были вначале короткие пунктирные гудки, а

потом длинные, как сплошное подчёркивание.

Появилась Юлька только через неделю – пришла румяная, в платочке, который ей, к сожалению, тоже шёл.

– Оно того стоило, так прикольно с этой бородой, – выпалила юная жена, а потом добавила встревоженно: – Верка, не вздумай проболтаться про Вадима и остальных. Он верит, что первый. Расскажешь – убью.

– А как ты меня убьёшь? – спросила Стенина, в душе которой, как в клетке, билась разъярённая мышь.

– Дура ты, Верка, – мягко сказала новобрачная и поправила платочек, потому что он сполз куда-то на затылок.

* * *

Примерно через полгода после свадьбы Валечка пришёл к выводу, что правы были всё же не участники поисков, с которыми он провёл вместе несколько лет, а православная церковь, так и не признавшая обнаруженные в Поросёнковом логу скелеты останками царя Николая и его семьи. Разочарованный Валечка отнёс в музей копии документов, отдал туда свои любимые фотографии – портреты с нежными царевнами (только одну себе оставил – Татьяну). Трижды прошёл от Посадской до урочища Ганина Яма, после чего объявил Юльке, что хочет стать священником.

В это самое время о своём визите в Екатеринбург объявили наследники Романовых – то была европейская ветвь,

на которой созрели вполне себе сочные плоды: две крупные, величественные женщины и мальчик в костюмчике, про которого шептали «наследник». В нём искали сходство с цесаревичем, правда, находили лишь самые доброжелательные и слабовидящие.

Встречали высочайших гостей частным образом, но всем миром – и даже всей войной. Естественным образом сложилось, что вопрос о транспорте для Романовых был задан криминальным авторитетам – те ответили, что подгонят столько чёрных «мерсов», сколько надо. Тот, кто отвечал за визит в Екатеринбург живых царских останков, не признал бы этот факт даже под дулом актуального для сего натюрморта *калашникова*. Не знали о нём, конечно же, и царственные дамы, и мальчик в костюмчике – вообще, об этом как бы *не знали* все.

Чёрные «мерсы» прибыли в Кольцово строго в назначенный час. Юлька застолбила удобное местечко среди встречающих – она была здесь не только благодаря журналистским, как тогда выражались, корочкам. Ей поручили напоминать всем, кто будет угощать Романовых, важный факт: одна из царственных дам терпеть не может продуктов, нарезанных соломкой. Или кубики, или кружочки, строго пояснили Юльке.

Гости с достоинством рассаживались по машинам – чёрные платья, чёрные тонированные стёкла и зелёный летний город с чёрным прошлым. Юлька попала в один из послед-

них автомобилей кортежа. На заднем сиденье ворковали две тетушки из свиты, а за рулём сидел накачанный молодец, походивший, как решила Юлька, на усечённую пирамиду. Если её перевернуть, конечно. Плечи у молодца были широченные, руки походили на два дерева с пышными кронами разбитых кулаков – «мерседесов» руль выглядел в них блюдечком. Стенина вспомнила бы по этому поводу бедняжку Дафну с картины Поллайоло⁷ – у той тоже были руки-дерева. Но Юлька ничего такого не подумала. Она вообще вдруг разучилась думать – не иначе тоже превращалась в дерево.

– Сссыте, – сказал молодец Юльке и тётушкам, которые сначала потрясённо замолчали, а потом залопотали по-испански хрипло и отчаянно. На испанском языке, должно быть, очень удобно ругаться.

– Юля, – представилась журналистка и решительно протянула руку водителю. Ладонь мгновенно исчезла в его кулачище – так камешек скрывается на дне.

Водителя звали, как убиенного наследника, – Алексей. Был он не из болтливых. Молчал, пока гостей возили по Екатеринбургу и показывали, где стоял дом инженера Ипатьева – его снесли шар-бабой в семьдесят седьмом году. Молчал, когда обедали, и Юлька тоже молчала – поэтому на гарнир к отбивным высокие гости получили картофель, наструганный соломкой.

⁷ «Аполлон и Дафна» – картина Антонио дель Поллайоло, итальянского живописца, скульптора и ювелира.

Юлька была не виновата в том, что все мысли, какие были у неё до встречи с Алексеем, словно бы собрали в одном месте и вдарили по ним шар-бабой. Она даже сидеть не могла спокойно – сиденье под ней раскалилось, как электрический стул. Алексей молчал эффектно – иные даже говорить так не умеют, как он молчал. Это было молчание, полное намёков, обещаний и приятнейших сюрпризов.

Дамы из свиты ещё до обеда попросили, чтобы их пересаживали в другую машину – обе начали коптиться и фрагментами подгорать в раскалённом воздухе этого страстного взаимного молчания.

Интересно, я его выдержу? – думала Юлька, глядя, как Алексей крутит одной левой «мерседесовское» блюдечко.

Валечка, наверное, был в храме. Юлька попыталась думать о муже, но у неё не получилось. Она хотела взять интервью у царственных особ – и не сумела найти в сумочке диктофон.

– Не могу больше, – пролепетала она, когда гостей высадили наконец в Малом Истоке и чёрные «мерседесы» рванули кто куда, как стая спугнутых ворон.

– Завтра приеду, – сказал Алексей, глядя на дорогу. – Сегодня не могу, а завтра приеду. Пиши телефон, созвонимся.

Юлька накорябала цифры на обратной стороне визитки. И пошла домой ждать звонка.

Дома сидел за столом муж – она совсем про него забыла. Ссутуленный, в кулаке – бородёшка, нюхает её, как букет

(ладаном пахнет, после службы).

– Давай разведёмся, Валентин, – сказала Юлька. – По-моему, я тебя больше не люблю.

Муж выпустил из рук бороду. Что-то щёлкнуло в его лице, словно бы оно настроилось на новую программу. Юлька сразу поняла, что именно таким его лицо и сохранится в памяти, но даже эта мысль прошла как-то боком, мимо.

Было важнее другое: *когда позвонит Алексей и позвонит ли?* А ещё – *что надеть?* Одолжить у Верки сиреневый лифчик с кружевами? Верке он триста лет не понадобится, а Юлька постарается быть аккуратной.

После шар-бабы в бедной Юлькиной голове хватало места только на такие мысли. Она даже не заметила, что Валечка собрал чемоданчик и ушёл, притормозив лишь перед свадебной иконой, которой благословила его бабушка. Забрать икону показалось неправильным, но и оставлять не хотелось. Именно поэтому Валечка её и оставил – он давно тренировался в борьбе с собственными желаниями и очень не любил, когда они побеждали.

Валечка вышел из дома, зачем-то погладил берёзку, которая росла под окном Калининых – на ощупь ствол был шёлковым и нежным, как девичья кожа. Слишком белой была эта берёза для здорового дерева. Наверняка болеет. Валечке захотелось порезать ствол ножом, но у него не было ножа. Он поднял глаза к Юлькиному окну, тёмному, будто выключенный телевизор, а потом пошёл к автобусной остановке.

Отцовский туристский рюкзак «защитного», как тогда говорили, цвета прыгал на спине, как развеселившийся чёрт.

Вера открыла дверь только после третьего звонка – она уснула, видела сон про мёртвых мышей. Пьяный Валечка ввалился в квартиру, что-то объясняя про Юльку, развод, царевну Татьяну и какую-то берёзку. Старшая Стенина сердобольно налила ему стакан воды, и Валечку стошнило. Ошмётки рвоты повисли на бороде и засохли – он такой и уснул. Утром мама уехала в сад к тёте Эльзе, а Валечка сидел в комнате, умытый и жалкий. Вера подошла к нему близко, провела сначала по одной брови, затем – по другой. Как будто рисовала.

И тут явилась Копипаста – просить лифчик. Вера ей не открыла. Юлька долго звонила в дверь, а звонок у Стениных пел басом, как Шаляпин, они с Валечкой чуть не оглохли, но всё равно не открыли.

Юлька вернулась домой, принялась звонить теперь уже по телефону – Верка не отвечала. Значит, придётся обходиться тем, что есть. Юлька разложила на диване свои кружевные сокровища, но всё, что у неё было, казалось слишком простеньким! Даже «анжелика» из бежевого кружева, с чёрными бантиками. К тому же к «анжелике» нужен был подходящий *низ*, а его не было, мама недавно прожгла утюгом. Юлька боялась надолго уходить из дома – вдруг Алексей позвонит именно в это время? Что, если он уже звонил, пока Юлька бегала к Стениной? Набрала Бакулину, та дала ей но-

мер своей сеструхи. Бывшая студентка МГУ стала успешной торговкой – специализировалась на польском белье и корейских блузках. Сеструха ломаться не стала, приехала, и вскоре Юлька уже перебирала холодными от волнения пальчиками кружевные доспехи с царапающими бирками.

Сеструха пила чай – почему-то из блюдца, держала его тремя пальцами. И косилась на Юльку: *ногтями осторожнее, зацепок не наделай!* Сеструха решила, что Юлька старается для мужа – Валечка удачно забыл в коридоре свои ботинки, проношенные до такой степени, что их можно было рассматривать на просвет, как бусины. Если кто пожелает, конечно.

Юлька выбрала самый неприличный дуэт: чёрное кружево, алые розочки, прозрачные чашечки, два треугольника на ленточках. Криво приклеенная розочка будет выпирать под юбкой, ну и ладно. Сеструха *включила деловую*, достала из сумки блокнот и начала в столбик подсчитывать *стоимость комплекта*, который назывался «Юнона». Юлька тем временем собирала бумажные купюры по сумкам и карманам, – к деньгам она относилась без всякого уважения. Сеструха бережно разглаживала бумажные комки и складывала их в блестящую длинную косметичку. Она не собиралась уходить так быстро, и Юлька почти что вытолкала разочарованную торговку за дверь – та ещё курила у подъезда, когда позвонил Алексей. Голос у него был тоже мощный – в детстве Юлька называла такие голоса толстыми. Он шёл как будто из глуби-

ны сибирских руд, а может, просто связь была плохая.

Юлька сказала, что ждёт к девяти, назвала адрес, объяснила, где свернуть.

На скамейке у подъезда сидели три бабушки – как три птицы на ветке (сейчас сказали бы – «социальная группа»). Юлька придерживала руками полы плаща, под которым не было ничего, кроме прозрачного лифчика. Трусы она решила не надевать, в них было уж слишком неудобно. Туфли на высоком каблуке Юлька приобрела прошлой осенью в свадебном салоне – по справке, которую ей достала знакомая. А плащ был вообще что надо – даже Верка одобрила. Стенина всегда была одета лучше всех, и Юлька привыкла сверять с ней одёжную стратегию.

Идея с плащом была почерпнута в видеосалоне, куда Юлька несколько раз ходила с художником Вадимом – ему, как он утверждал, требовалось *вдохновение*. Теперь Вадим был далеко, законный муж – неизвестно где, а сама Юлька отважно стояла у родного подъезда. Бабушки смотрели на неё и шептались, что девка, видно, юбку дома оставила, – не понимали, старые калоши, что так оно и было на самом деле.

«Мерседес» подъехал к подъезду ровно в девять, было ещё совсем светло. Алексей открыл окно, голова его с трудом помещалась «в экране».

Старухи потрясённо замолчали. Да что там – время остановилось!

Юлька грациозно шла к машине, не заметив, как у сосед-

ки сорвалась с поводка болонка. Белый ком с гадким сиреневым животом и гниющими глазами подкатился к Юльке и ткнул её лапами. Плащ распахнулся, и Алексей увидел то, что ему готовились показать несколько позже. Там был выбрит такой красивый лепесток! Юлька корпела над ним целое утро. (Бабки ничего не заметили, так им и надо.)

Она села справа от водителя, попыталась скрестить ножки – но они были слишком длинными для таких манёвров. Алексей выехал со двора, и только тогда, выдохнув с облегчением, Екатеринбург погрузился в глубокие, нежные сумерки.

Ночные катания по городу на «мерседесах» – это был в те годы национальный уральский спорт. Алексей не стал мудрить с программой развлечений – они катались, катались, катались по улицам, и Юлька не сразу поняла, что они повторяют вчерашний царский маршрут. К тому моменту она была уже так накалена, что на ней можно было что-нибудь поджарить. Развязала пояс плаща – там всё было на месте: чёрное, прозрачное, тканые розочки как комочки жеваной промокашки.

«Мерседес» тем временем покинул город, направляясь, судя по всему, к ближайшему озеру (Юлька позабыла все названия – в голове крутился только «Тургояк», но Тургояк был далеко и вспомнился напрасно). Алексей всё так же молчал. Ему раза три позвонили на «сенао» – громоздкий радиотелефон с длинной, как крысиный хвост, антенной –

он слушал и отключался. Юлька, решившись, сняла плащ, бросила его на заднее сиденье, где всё ещё, наверное, пахло духами испанских тётушек. Кружевные лямки натёрли плечи, проклятая сеструха впарила ширпотреб! Юлька стащила с себя лифчик. Она совершенно не знает этого Алексея, а с Валентином они прожили вместе уже полгода. Валентин хороший, но она никогда не желала его так, как эту молчаливую гору с руками-деревьями.

Юлька вспомнила – ужасно некстати – обидную опечатку, которую недавно сделали в машбюро. Она подписывала свои заметки *Юля Калинина*, именно *Юля*, не *Юлия*. И одна из машинисток отдала ей лист, где стояла подпись «*Бля Калинина*». Буквы Ю и Б – соседки по клавиатуре. А если ей и вправду пора менять буквы? Что с ней происходит? Ведь если они сейчас разобьются – Алексей так гонит! – её найдут рядом с ним совершенно голую.

– Приехали, – сказал Алексей. Он вышел из машины и быстро разделся. Сложен он был великолепно, хотя это было ясно и раньше. Не зря Верка говорила, что мужское тело красивее женского, – она открыла это с помощью скульптуры и живописи.

Впереди чернело озеро, вода, наверное, холодная, подумала Юлька. Но озеро прогрелось за долгий июльский день... Юлька хотела сказать что-то особенное, умное, но вместо этого пролепетала как маленькая:

– Возьми меня на ручки!

Золотой крест на груди Алексея походил на снежинку, какими маленькая Юлька украшала в детстве ёлку. Прижатая щекой к этому кресту, она впервые за последние сутки почувствовала прохладу.

Потом всё было очень плохо.

Домой ехали долго, Юлька запахла плащ, подняла воротник и дышала в него, чтобы согреться. Злосчастный богатырь молчал, и было уже неважно, что руль в его руках выглядел блюдечком (хотя и выглядел).

Мама давно спала. Юлька открыла дверь ключом, запнулась о старый мужской ботинок и вспомнила – у неё же есть Валентин! Они венчались в храме, а это так просто не отменишь (бабушка долго распинался на эту тему, и Юлька кое-что запомнила). Завтра с утра муж вернётся, а этот морок уйдёт туда, откуда явился.

Почти спокойно Юлька приняла душ – старательно смыла с себя долгий день и липкую, потную, обманувшую ночь. Лифчик отправился в потайные глубины шкафа – там ему надлежало превратиться в воспоминание, неприятное, но по-своему ценное. Засыпая, Юлька думала о муже.

В это же самое время Стенина рассказывала Валечке историю о том, как в детстве она случайно увидела непристойную сцену на собственном диванчике. Вера предполагала, что это воспоминание наложило отпечаток на её личность. *Наверное, поэтому я боюсь любви, как ты думаешь?*

Но Валечка ничего не думал, да это было и не нужно.

Глава четвёртая

Мне нравится смотреть на любую вещь, написанную масляными красками на плоской поверхности, хотя ни за что на свете я не захотела бы стать художником или что-нибудь написать.
Гертруда Стайн

Заказ примите, пожалуйста, попросила Вера невидимую, но ощутимо грустную девушку-диспетчера. Та так печально спросила, *куда поедем*, что сразу почувствовалось – лично она готова поехать куда угодно, лишь бы подальше от этой работы и этого города. *Текущее время, да?* Время утекало сквозь пальцы, как пластилиновые часы Сальвадора Дали. *Я поставила вас в лист ожидания*, – сказала девушка, – *как только появится машинка, сообщим.*

Когда в жизни Веры Стениной было много *чувственного* (подхватила этот эвфемизм у преподавателя истории искусства девятнадцатого века: слово «секс» казалось ему грубым, как плевки), она не знала цены этой части жизни. Какая несправедливость – быть хозяйкой красивого, свежего, полного силы тела и не уметь этим пользоваться. Когда Вера поняла, как всё работает, *чувственное* тут же испарилось – и в этом, с Вервиной точки зрения, была серьёзная недоработка высшего разума. Как-то он поленился, честное слово, придумывая женщин и отмеряя им короткий век цветения. Были у

неё и другие, менее изысканные претензии: зубы, например, должны быть менее хрупкими. И девять месяцев беременности тоже перебор, и носить на себе этот тяжёлый живот – не самая удачная разработка.

Юлька, когда Вера поделилась с ней этими глубокими мыслями, расхохоталась:

– Да, Верка, легче было бы отложить яйцо где-нибудь в кладовке и навешать его раз в день!

Отличная идея, жаль, Веру с Юлькой никто не спросил, и они вынашивали своих дочек, как все женщины мира.

Что касается *чувственного*, оно порой доставляло Вере Стениной хлопоты, включаясь настолько некстати, что даже зависть умолкала рядом с этим жарким, настойчивым томлением. Увы, рядом с ней теперь не было мужчины. Совсем никакого. Вообще.

...Наутро после второй ночи с Валечкой (он говорил, она слушала, и больше ничего, хотя старшая Стенина придумала себе много разного) Вера проводила его до остановки, Валечка обещал написать и взял с неё слово не сообщать адрес монастыря Юльке, как бы та ни просила. Вера знала, что сдержит слово – это было одно из немногих её качеств, которое было действительно *качеством*. Научившись скрывать от окружающих свой внутренний изъян, она теперь умела молчать и о чужих грехах. Или же – тайнах, которые, если приглядеться, тоже почти всегда грехи. Судя по всему, Вера переобщалась в те дни с Валечкой. Слишком много было у

них разговоров о грехах, настоящей любви, Первом послании к Коринфянам и так далее.

Поэтому когда явилась Юлька с бутылкой шампанского, Вера встретила её так многословно и бурно, словно не видела целую неделю. Выпроводила маму с кухни, сама открыла шампанское.

Юлька ждала, пока старшая Стенина *отчалит*, чтобы спокойно покурить. Вера разлила шампанское по фужерам, пузырьки торопливо выпрыгивали из них – и тут же таяли. Кружевная пена напомнила Вере мыльную, ей не хотелось пить с утра.

Между ними долго было так – Юлька ничего не скрывала от Веры, но в ответ получала лишь горстку фактов. Впрочем, ей и не требовалось большего – Копипасту и тогда, и теперь занимала прежде всего собственная жизнь. Её любовь, карьера, ребёнок были примечательны, а Вера могла голышом пройти по улице, и Юлька не обратила бы внимания.

– Ты голая ехала в машине? – поразилась Вера. Юлька старательно давила окурком непотушенные искры. – Оно хоть стоило таких стараний?

Юлька взяла чашку, манерно отставив в сторону мизинец. Вера сначала не поняла, почему та молчит, а потом наткнулась взглядом на мизинец – как на ветку дерева глазом – и всё поняла. Они смеялись так громко, что в кухню явилась старшая Стенина, и ей тоже налили шампанского.

– За что пьём, девочки? – спросила мама.

– За новые встречи!

Валечка действительно прислал Стениной письмо из монастыря – но только через два года. Постригли его с таким чудным именем, что Вера не смогла запомнить – память у неё была светского формата, церковности в ней не удерживались, проскальзывали. Так и остался он в памяти Валечкой.

Юлька, протрезвев от Алексея и шампанского, принялась искать беглого мужа – но ей остались только проношенные ботинки и свадебная икона. Разыскивала она его повсюду, чуть ли не пытала свекровь – но эта строгая богомолка готова была принять пытки с радостью. Документы на развод прислали только при Супермене, а спросить у Стениной Юльке и в голову не пришло.

Высшие силы хорошо смотрели за Копипастой – для этого у них находились и время, и терпение, и старание. Как только Юлька осталась без мужа, ей тут же предложили штатное место в областном еженедельнике. *Уж что есть, Юленька,* – словно бы извинялись высшие силы. – *Бери пока это, а там и с личным разберёмся.* Юлька перевелась на заочное, получила первую в жизни трудовую книжку. Вера тем временем всё ещё пыталась разобраться с искусством – понять, зачем они друг другу. Странные какие-то были у них отношения: и прекратить не получалось, и ничего стоящего не произрастало. Всё словно бы зависло, остановилось – даже не на полдороге, а всего лишь у открытой двери, порог которой Вера так и не могла перешагнуть.

Старый преподаватель с жёлтой сединой читал в том году курс по искусству двадцатого века.

– Я ненавижу искусство двадцатого века, – так началась первая лекция, таким был выбранный стариком курс. Ненависть его оказалась страстной, поэтому слушать старика было наслаждением, хоть и острым – практически болью. Вере тоже не хотелось покидать девятнадцатый век – почти всё, что было после импрессионистов, ей тогда не нравилось. Современное искусство не звучало, не ослепляло, не имело аромата – эти картины молчали, как ни вслушивайся. Они не источали запаха, в них не хотелось *зайти* – в общем, это были просто картины.

Сильнее всех Вера не любила Пикассо, могильщика живописи. После него уже никто не осмелится рисовать как прежде. И хуже всего, что сам он был отличным рисовальщиком, художником, способным на всё, – а выбрал самое уродливое, потому что оно – *новое*. «Человек, создающий новое, вынужден делать его уродливым». О Пикассо старый преподаватель говорил два часа подряд, он его так ненавидел, что уже почти обожал. В тот день старик, увлёкшись, честно позабыл объявить перерыв, но Вера этого даже не заметила, выпала из времени. Однотруппницы – сплошные «...цы», девчонки – возмущённо вздыхали и демонстративно подносили к глазам запястья.

Ему говорили, он рисует лучшие Рафаэля, – Вера знала, что старый преподаватель не любит и Рафаэля, как часто бывает

с искусствоведами, – ему говорили, он рисует лучшие Рафаэля, и это была правда. Потому что всегда кто-то рисует лучшие, и только этому можно завидовать. Но у Пикассо не было зависти. Он говорил: если я рисую лучшие Рафаэля, то есть же у меня право, по меньшей мере, выбирать свой путь? Люди должны признать за мной это право, но нет, они не желают.

Старый преподаватель в сердцах, словно бы от имени Пикассо, бросил в аудиторию гневный взгляд, но в ответ прилетело лишь бурчание тридцати девичьих желудков. Когда студенток выпустили наконец на волю, они сорвались с места, как стая голодных собак. Преподаватель поймал душистую волну, поднятую ветром юбок и распущенных волос, но одурел от неё лишь на мгновение. Он всегда читал стоя (старая школа!) – и теперь с чувством заслуженного права занял высокий стул, *отдохнуть минут двадцать*. Артроз коленных суставов – *свиная штука*. Вера Стенина думала, что старик не замечает её – она в тот год перестала краситься, носила всё такое серенькое, как могильный гранит. Серая Стенина, верная серна. Но она ошибалась – старик её отлично видел: *девочка чистая, как грунтованный холст. Проклятые колени!*

– Вы сказали, что у Пикассо не было зависти, но ведь зависть есть у всех!

Старик поморщился, но быстро вспомнил, что молодость – это не только время здоровых коленных суставов, это ещё

и период обобщений.

– Ему завидовали, это да. Страстно завидуют даже в наше время. Но я не представляю, кому бы мог завидовать Пикассо?

Вера теребила кисточку шарфа. Она не верила преподавателю потому, что знала о зависти больше его. А преподаватель, выпроваживая Веру, терзался кипящей, с пылу с жару, болью. Лучше бы Стенина спросила у него совета – где работать, чем заниматься?

Может быть, критика, – думала Вера. – *Или книжки об искусстве, научно-популярные, для детей!* Но правда была в том, что ей не хотелось ни того, ни другого. Мама однажды спросила: а что, если Вера сама начнет рисовать?

Будто забыла, какое тяжкое это было для дочери дело – любимое, как считается, детское занятие. Уроки изо в школе – унижение по расписанию, два раза в неделю по сорок пять минут. Юлькины рисунки висели на школьных выставках, чертила она, по мнению учителя, и вовсе божественно. А Вера не могла рисовать потому, что ясно видела картинку, которая уже сложилась у неё в воображении чётко, в деталях, в подробностях, – видела, но не умела перенести на лист бумаги. Компромиссов здесь быть не могло: или та самая картинка, или никакая, белый лист! Учитель, к сожалению, не мог оценить ненарисованную идею – он был из тех педагогов, что воспринимают учеников целым пластом, монолитом, *классом* в другом смысле этого слова. По отдель-

ности каждый был всего лишь частью общего механизма, не более чем. Кроме того, любому – даже лучшему из учителей – всегда нужны результаты, высокие волны, *иначе не видна работа*. Собственно процесс учёбы или тем паче душа отдельно взятого ребёнка интересуют очень немногих. Поэтому Вера сидела над пустым листом, держала в руке сухую кисточку (колонковую, «всё лучшее – Вере») и ждала очередной двойки, которую учитель выводил в дневнике затейливым кренделем.

К несчастью, в университете всё вернулось: искусствоведы учат азам изобразительного искусства, чуть-чуть, как нашкодивших котят, окунают носом в акварель и гуашь. У Веры очень кстати открылась аллергия на гуашь, но все прочие техники ей следовало *освоить* и *сдать*. Надо было преодолеть дорогу от идеи до листа, и Вера двадцати лет от роду, зажмурившись, окунула кисть в баночку с коричневой краской. Рядом не было высокомерного учителя с его затейливыми двойками, не было Юльки и её божественных чертежей, вообще никого не было – дома, в своей комнате, Вера пыталась нарисовать мамину вазу из чешского стекла. У этой вазы не было никакой идеи. Ваза это ваза это ваза. Нарисуй – и получишь зачёт.

Потом настала пора портретов. Позировала девочка, которая училась курсом старше – у неё было сложное лицо, ужас, какая она некрасивая, думала Вера и так старалась выплеснуть своё недовольство этим лицом на холст, что чуть

не забрызгала всё вокруг. А получилась – вполне симпатичная мордашка. *Изящно*, – пробормотал преподаватель, словно это было у него ругательным. Спустя несколько лет Вера снова увидела ту девочку – лицо натурщицы врезалось в память, словно камень. Удивительно, какая она была, оказывается, красивая!

Вера чертила и рисовала, но не думала о том, что это имеет какое-то отношение к искусству.

Наверное, я всё же стану критиком.

Копипасте мысль понравилась:

– Ты по жизни всех критикуешь!

Вера промолчала, хотя ком в горле рос с каждым проглоченным словом.

В июле, почти сразу же после отъезда Валечки, Вера вдруг начала мечтать о ребёнке. Чтобы сын, конечно. Её собственный детёныш. (Тот, кто отвечает за биологические часы, встроенные в каждую женщину, в случае Стениной явно поторопился – мало кто в девятнадцать лет представляет себя матерью.) А в сентябре, когда учёба ещё толком не началась и Вера слонялась по дому, не зная, чем себя занять, позвонила Юля Калинина и назначила встречу рядом с букинистическим магазином на улице Вайнера.

За окном в тот день был Левитан, осень девятьсот шестнадцатой пробы. Бывает такой сентябрь, что за него не жаль целого лета. Вера вышла из трамвая – тоже осеннего, жёлто-красного. Дедушка-памятник пытался снять с себя пальто

и взмахивал рукой, подзывая гардеробщика. В сквере у ЦУ-Ма продавали картины *на массовый вкус*. Уличный скрипач распиливал время на «до» и «после».

Летом из года в год Юлька уезжала к родственникам, в Оренбургскую область – однажды привезла оттуда Вере чёрно-зелёный, с жёлтой проплешиной арбуз, похожий на крокодила из детских книжек. Стенина не ждала Юльку раньше середины сентября.

Мышь вспрыгнула до самой гортани, как только увидела загорелую Калинину в джинсовых шортах и двух приставших к ней парней. Подруга быстро распрощалась с парнями – так стряхивают хлебные крошки с колен.

– Верка! Мне столько надо тебе рассказать!

Она просунула руку Вере под локоть – будто в плен взяла. *Никак не может запомнить, я терпеть не могу ходить под руку.*

Юльку душили новости, но она хотела преподнести их в соответствующих декорациях. Поэтому шла и давилась, говорила о погоде и орских степях, рассказывала о сестре из Оренбурга и брате из Бузулука. Вера отвоевала было свою руку, перевесив сумочку на плечо, чтобы Юлька не пыталась её больше схватить – но та просто обошла подругу с другой стороны и снова вцепилась ей в локоть. Добрались до Плотинки, спустились вниз к реке, перешли через мост – и там, среди чёрных скелетов заводских машин, Юлька открыла, наконец, великую тайну:

– Я беременна!

– Это хорошо или плохо? – спросила Вера. Мышь внутри плескала крыльями – опять не уберегла свою мечту! Ребёнок, малыш, бесценный мальчик – Вера просила его для себя... Не для Юльки!

Крылья зависти – как летательный аппарат с чертежей Леонардо.

Юлька улыбнулась:

– Сначала думала, что плохо. Девятнадцать лет, ни мужа, ни денег. А потом я попала на приём к дивному врачу. Елена Фёдоровна из консультации на Белореченской, помнишь?

Ещё бы не помнить. Носатая злая тётка, к которой Стенина пришла на следующий же день после того, как стала женщиной.

– Половой жизнью живёте? – громко, на весь район спросила её тогда Елена Фёдоровна. Вера с перепугу ответила невпопад:

– В переулке Встречном.

Пожилая медсестра (седая плюшка на затылке, бородавка под глазом – как окаменевшая слеза) подняла изумлённые глаза, а врачаха разозлилась:

– Мне неинтересно, *где именно* вы живёте половой жизнью.

– Я вчера, – блеяла Вера, – в первый раз...

– Член находился во влагалище? – проорала Елена Фёдоровна так зычно, что её могли услышать даже в трёх кварта-

лах отсюда. Веру вынесло из кабинета и ещё долго носило по улицам, как сорванный ветром плакат об опасности венерических заболеваний.

А для Юльки эта Фёдоровна – дивный врач, «специалист, каких мало».

Вера гладила непонятный чёрный механизм, сложный как судьба – «Листопрокатная клеть с верхним приводом. Нейво-Шайтанский завод». Гладила нежно, словно кота, обделённого вниманием.

– Если бы не Елена Фёдоровна, – разливалась Юлька, – я бы точно пошла в абортарий, а мне, оказывается, нельзя. Отрицательный резус.

Вера отцепилась наконец от листопрокатной клетки и увлекла Юльку выше, к «хвостовому молоту». Ему бы тоже пошли складчатые крылья летательного аппарата Леонардо. Юлька послушно шла, куда ведут, не смолкая ни на секунду. Рассказывала про *единственный шанс родить здорового ребёнка*.

– А отец кто? – не выдержала Стенина.

– Ну не Валентин же! – с гордостью сказала Юлька. – В Оренбурге познакомились. Мужчина-мечта!

Вера представила себе карамельку «Мечта» – лепёшку в розовом фантике. Она такие не любила, от «Мечты» болели зубы. Но, вообще, тут дело не в карамельках, а в том, что Юлька всегда приставляла к слову «мужчина» подпорку в виде дефиса и следом чёткую характеристику. Так появились

мужчина-беда и мужчина-проблема, мужчина-песня и мужчина – последний герой, а вот этот, значит – мечта.

Юлька не щадила Вериных ушей, как живота своего. Живот её был плоский, будто щит, на котором приносят домой погибших рыцарей. Тазовыми косточками можно пораниться, если встанешь рядом в транспорте в час пик. Вера не очень внимательно слушала Юльку, зато смотрела на неё во все глаза. Прилетел комар, ополоумевший от бабьего лета – он медленно, не спеша описал круг вокруг Юлькиной головы, словно наметил траекторию нимба. А потом сел ровно посреди лба и нежно впустил хоботок под матовую кожу. Вера зачарованно смотрела, как комар пьёт кровь её беременной подруги – брюшко наливалось тёмной кровью, а Юлька ничего не чувствовала, только в самом финале комариной трапеzy сморщилась и треснула себя по лбу ладошкой:

– Комар, что ли?

* * *

Беременность – прежде всего бремя. Вера подумывала взять эти слова эпитафией к новой мысленной выставке «Ожидание». Не сказать, чтобы эти выставки были достойным приложением её таланта, так никем и не востребованного. Он и самой Вере казался излишним органом, вроде аппендикса. Дар из тех, что принимаешь, смущаясь и благодаря, а сам в панике соображаешь, кому бы его пристроить? На

пике отчаяния – то был удобный пик с обширной площадью, где можно провести несколько дней, не опасаясь рухнуть вниз, – она вдруг начала составлять выставку, подбирая работы разных веков, художников и стилей. Первая мысленная выставка называлась «Бегство в Египет» – без объяснений, что да почему. Тогда, после сцены в мастерской Вадима, Вере хотелось убежать хоть куда, необязательно в Египет – главное, убежать, прихватив с собой мечты, которые никто не станет отслеживать.

Мысленные выставки позволяли брать что угодно – Вера отбирала картины, гравюры, фрески, миниатюры из роскошных часословов тщеславных герцогов, картоны, гобелены и скульптуры. Надменная Мадонна Джотто, протёртые от времени небеса, золотые блюда нимбов. Копыта ослика стучат слишком громко, и потому Иосиф смотрит на него с укоризной. Божественный Младенец устал, как устают обычные, *не* божественные дети, от мерного покачивания он вот-вот уснёт, но это «вот-вот» звучит как стук копыт – и от фрески идёт жаркая волна изнурительного дня.

У Рембрандта – другая история. Без начала и финала, выхваченная световой вспышкой и снова канувшая в темноту. Мария, беженка, кутается в одеяло – конечно же голубое. А Иосифа как жаль – ступает босыми ногами по выставшей ночной земле! Ослик боится, страшно ему, но куда деваться – надо идти дальше, в Египет... У Джентилески⁸ Святое се-

⁸ Орацио Джентилески – итальянская художница эпохи барокко.

мейство отдыхает, Мадонна кормит младенца, но не может открыть глаз от усталости, Иосиф храпит – впоследствии Вера едва не оглохла, разглядывая эту картину в Лувре. Не спит у Джентилески только младенец, один в темноте, в незнакомом пейзаже... Мария кисти Альтдорфера⁹ моет младенца в фонтане – мама сказала бы здесь ужасное слово *подмывает*. Ясный день, в чаше фонтана резвятся мелкие, словно воробушки, путти, похожие на малютку Ленина с октябрятской звёздочки, а за синими горами, наверное, Египет.

Отличная была выставка, и после неё Вера тут же принялась за другую – «Читательницы». Звезда экспозиции – «Благовещение» Пинтуриккьо. Вера так увлеклась, что стала специально разыскивать подходящие работы – завела особый блокнот и знакомство в букинистическом, где всё чаще появлялись в продаже некогда дефицитные, а теперь никому не нужные альбомы по искусству.

Выставка «Ожидание» открывалась работой Шагала – юная беременная на фоне красных небес, будто внутри собственной утробы. Потом шла рыжая модель Климта, которая может начать рожать в любой момент. Бессчётные мадонны, чета Арнольфини Яна ван Эйка... Выставка была почти готова, живота у Юльки всё ещё не имелось, зато тошнило каждый день, утром и вечером. И веером, бывало что и веером. Юлька, не пропустившая за последний год ни единой поли-

⁹ Альбрехт Альтдорфер – немецкий художник, глава дунайской школы живописи.

тической новостюшечки, теперь едва-едва откликнулась на осаду Останкино и штурм Белого дома. Зато первый снег показался ей настолько тошнотворным, что она даже годы спустя помнила это чувство – мощное, сильное, отвратительное.

Красота была с Юлькой рядом, как верная подруга, – и Вера тоже была рядом, напоминала про врачей, колола грецкие орехи и чистила гранаты. Юлькина мама повторяла, что у Веры Стениной золотое сердце. И чёрная зависть, горько думала Вера, вскрывая очередной орех, – там пылила сгнившая сердцевина.

– Нет, ну точно парень будет, – фальшиво радовалась Стенина, глядя, как хорошеет Юлька *от триместра к триместру*. Всем известно, что *девчонки пьют материнскую красоту*. Была бы Тонечка Зотова постарше, непременно подтвердила бы это со всей ответственностью.

Потом Юлька, конечно, стала округляться – но в шар-бабу не превратилась. Весной, когда уже подходил срок, Вера выгуливала Юльку в Зелёной Роще, подальше от стадиона и детской площадки. На скамейке сидел сутулый старик в длинном плаще с ямщицкими отворотами – он так долго смотрел на Юлкин живот, будто ждал от него ответа. Перекрестился, что-то пошептал себе в бороду. Вере это не понравилось, а Юлька улыбнулась старику и от себя, и от имени живота.

Через пару дней Вера закончила пристраивать на мысленную стену последнюю работу для «Ожидания»: две красивые

голые девушки кисти неизвестного художника, одна держит другую пальчиками за сосок, современный жест о'кей. Причудливая идея художника – так девушка сообщает о беременности сестры. Хорошая картинка для спальни, жаль, что от этого холста исходил тяжёлый дух пота и зависти, а беременной было ещё и больно, ведь сестра не отказала себе в радости крепко сжать пальчики. Вера отошла на несколько шагов – полюбоваться результатом, и тут зазвонил телефон.

Копипаста говорила звонко и торжественно, придерживая новость, как полы разлетающегося больничного халата:

– Привет, что делаешь?

Вера начала рассказывать, и Юлька ждала, переполненная новостью, пока ей говорили про университет, зачёт и какую-то методичку.

– Понятно, – сказала Юлька. – А я тут родила между делом. Дочка, три двести, Евгения.

Ночью её увезли на «Скорой» в четырнадцатый роддом, на Уралмаш.

– Больно было? – спросила Вера, но Юльку в этот самый момент отогнали от телефона-автомата другие роженицы, *халатные* женщины всех возрастов и размеров. Вера увидела их как наяву, ощутила сладковато-тошный запах грудного молока – она привыкла к нему, разглядывая нескончаемых мадонн. Медленно и аккуратно, как уснувшее дитя, Вера опустила на рычаги телефонную трубку, а потом зарыдала так глубоко, что вместо слёз могла бы течь нефть. Но потек-

ли всё-таки слёзы – правда, не сразу.

Глава пятая

*Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным...*

Александр Пушкин

– Лара, я уехала, – сказала Вера скорее себе, чем дочери, – Лара на такие известия обычно не откликалась. Таксист на-верняка включил счётчик ожидания – мелочь, а неприятно. Сама виновата, нечего было так долго собираться. С годами вроде бы всё делаешь сноровистее и лучше, чем в молодости, но вот времени на это отчего-то уходит всё больше.

Вера закрыла дверь, подергала её, потом открыла снова и зашла в квартиру – проверить, выключен ли газ и не оставила ли вдруг Лара открытым кран в кухне. Неврастения, повышенная до звания *привычки*. Будет продолжать в том же духе – глядишь, дослужится и до *семейной традиции*.

Стенины жили на третьем этаже, поэтому лифтом пользовались редко – вот и сейчас Вера быстро спустилась вниз по ступенькам, задерживая дыхание, точно ныряльщица. В подъезде у них всегда пахло прокисшими тряпками, как на картинах Адриана ван Остаде¹⁰. Вера свысока – с площадки

¹⁰ **Адриан ван Остаде** – нидерландский живописец, мастер крестьянского бытового жанра.

сверху – глянула в почтовый ящик, как делала ещё школьницей, ожидая писем из Чехословакии. Полоска над хлипкой металлической дверцей оставалась тёмной – да и что им могли прислать? Бесплатную газету, квартирный счёт?

В детстве Вера переписывалась с девочкой из Чехословакии, звали её Рената Галбава. Адрес раздобыла мама, она работала в кадровом отделе Верх-Исетского завода, куда часто приезжали чехи из города-побратима Пльзеня. Гостей везли в детский клуб интернациональной дружбы, где пионеры с порога обшаривали взглядами дорогих гостей – принесли с собой конфеты? Фломастеры? Главную пионерскую валюту – *жевачку*? (Именно так, через *e*.) Предвестники перестройки, свердловские чехи, послушно одаривали кидовцев сувенирами, а Вере подарки доставались сверх программы, потому что мама приятельствовала с начальницей КИДа, Марией Владимировной. Однажды Мария Владимировна принесла Вере нейлоновый пионерский галстук, и та щеголяла в нём, пока не сожгла ему случайно кончик утюгом. Та же начальница передала маме адрес девочки Ренаты, и Вера в тот же день написала недлинное письмо – предложила дружить и переписываться. Рената ответила быстро, весточка пришла месяца через три. В почтовом ящике лежал листок с извещением – *на ваше имя получено м/п из ЧССР*. Вера с мамой на ночь глядя побежали в отдел доставки – слева от кинотеатра «Буревестник», если встать к нему лицом. Работница в серой блузе протянула Вере мягкий конверт, в правом уг-

лу которого сияла, словно икона, прекраснейшая почтовая марка с *королевишной*. Для Ренаты, похоже, всё было важно – конверты, марки, почтовая бумага, почерк. *Пришли мне свою фотографию, дорогая подруга Вера.*

Из конверта выпорхнула маленькая чёрно-белая фотокарточка – девочка с ясным лицом, но без улыбки писала, что готова дружить. Как будто у неё был выбор! Дружить с советскими детьми следовало независимо от того, хочешь ты переписываться с Верой Стениной из Свердловска или не хочешь. В названии Свердловск есть что-то чешское: согласные звуки в ряд, и вот уже слово превращается в забор, перелезть через который может лишь человек с образцовой дикцией. «Крк» – по-чешски «шея». *Влтава* – река в Праге. Мороженое – «змрзли́на». Надстрочные знаки, *гачеки*, парили над буквами обратного адреса, словно чайки. Цифра 9 была у Ренаты без всяких хвостиков, стояла ровно и ладно на единственной ноге. Место, где заклеивался конверт, Вера по моде времени украшала дополнительной чернильной «штопкой», но Рената никогда этого не делала, по-европейски доверяя почте: *Я хочу стать медицинским работником. Дорогая Вера, напиши мне, кем ты хочешь стать.*

Я много лет хотела стать Юлькой Калининой, – думала Вера, выходя из подъезда и честно отвечая на давний вопрос Ренаты Галбавой, ни разу не виданной, но при этом ненаглядной. Даже писем из Чехословакии, где лежали ценные календарики с дружелюбно обведённой датой Вериного

дня рождения, даже их она никогда не ждала так сильно, как конвертов из *Орска Оренбургской обл.*, где отдыхала летом Юлька – среди степей, арбузов и кузенов. Советские конверты с картинками – Есенин, День космонавтики, кокер-спаниель с ушами, напоминавшими причёску Бакулиной, а ниже – шесть маленьких лабиринтов, где писали почтовый индекс, и Вера, не любившая чертить и рисовать, с удовольствием выводила орский индекс Калининой – 462408. А Юлька вкладывала в конверты не буржуйские календари и вкладыши от *жевачки*, а потемневшие степные тюльпаны и мёртвых бабочек...

Таксист остановился прямо у помойки – соседка из первого подъезда кротко обходила машину по периметру. Вера так и не собралась купить машину, хотя права у неё были и даже успели устареть – она ни разу после экзамена не сидела за рулём, разве что во сне.

Неловко дёрнула ручку двери. Каждый раз повторялось одно и то же: попадая в такси, оказываешься в гостях у незнакомого мужчины. Запахи. Музыка. Глаза в зеркале заднего вида.

С недавних пор мужчины исполняли в Вериной жизни проходные роли. Тень в проулке. Неясное отражение в зеркале. Сон. Третьестепенные персонажи, понадобившиеся живописцу только для того, чтобы продемонстрировать, как эффектно он может изобразить тяжёлые складки материи. Смотрите, этот алый плащ, он совсем как настоящий! А кто

под плащом, не так и важно – герой стоит к нам спиной, склонив голову.

...Копипасту с Евгенией выписали из роддома на третий день – *ребёнок на десять баллов по шкале Апгар*. Эти слова лежали у Веры на сердце как булыжники, и мышь развлекалась, летая вокруг них и щекоча своими гадкими крыльями живую несчастную плоть. Малышку завернули в одеяло, перевязали лентой, какие продавали в галантерее по метру. Вера преподнесла молодой матери ценнейшие вещи: отрез марли и рыжую прорезиненную клеёнку, а еще – польский синтетический костюм на вырост, от которого летели искры, как от самой Веры. Точнее, от той заразы, что жила внутри.

– Как хорошо, что девка! – шумно радовалась Юлькина мама. А ведь Серёга ещё совсем недавно был жив... Вера неловко поздоровалась, глянула в личико Евгении. Оно было умным и встревоженным.

– Верка, я так рада, что это не мальчик! – сказала Юлька, тоже, как и Вера, мечтавшая о сыне. Она молниеносно перестраивалась, словно пытаясь сбить со следа тех, кто рисовал её судьбу, – принимала всё как есть и не роптала. Дали девочку – будем любить девочку.

Бакулина как раз в те дни уезжала в свой Париж – и тщательно скрывала от окружающих это обстоятельство. Иногда Вера всерьёз думала, что Бакулину завербовали. Она так отчаянно боялась проговориться о своих новостях, что молчала вообще обо всём. В роддом, впрочем, пришла, но нена-

долго – чмокнула губами над конвертом с малышкой и едва ли не сразу же распрощалась.

– Это ж не собака ей, чмокать! – возмутилась Стенина. Евгения мирно перенесла всеобщее курлыканье и в конце концов очутилась на руках у Веры.

Она внесла кулёк с Евгенией в квартиру и, конечно, осталась – и не только в этот день. Юлькина мама не собиралась бросать работу, а Вера делала всё, что требовалось, – без малейшей брезгливости, но и без умиления. Евгения не нравилась ей только тем, что она была Юлькина, не её. А во всем остальном – замечательная девочка. Попусту не орала, ела, сколько нужно. Спала, правда, с перерывами. *На внешность*, как сказала бы мама, миленькая.

– Спи скорее! – приказывала Вера Юльке, когда Евгения доедала свой ужин. Юлька слушалась, засыпала с младенцем у груди – как Мадонна Джентилески. А Вера мягко закрывала дверь и шла домой, где было очень пусто и очень тихо. Мама проводила лето в саду у тёти Эльзы – компост, теплицы, выгребная яма, погреб, забор... Вера уставала от себя за вечер и снова шла к Калининым. Там её ждали – ещё бы! Бесплатная нянька. Иногда оставалась с Евгенией на ночь, выносила Юльке на кормление – как барыне.

Однажды пропустила день – и Юлька на неё обиделась. *У меня брат погиб, а ты помочь не хочешь!*

Совсем обнаглела, – возмущаласьмышь. – А ты и сама хороша! Всё бросила, даже выставки!

После рождения Евгении Вера всерьёз носилась с идеей устроить выставку детских портретов. Гольбейн. Лукас Кранах. Веласкес. Мэри Кассат¹¹. Кустодиев. Но это быстро прошло – портреты не складывались в экспозицию, каждый был сам по себе, как дети, которые поссорились на прогулке – и теперь разошлись по разным углам.

Вера бродила по дому, начинала листать альбомы с репродукциями и тут же бросала это занятие. Весь пол усыпан книжками, над которыми так тряслись в восьмидесятых.

За окном был август. Маковский. Венецианов. Шишкин. Дети кричали во дворе, с балкона сверху долетал тёплый сигаретный запах. Вера вдруг вскочила на диван с ногами, прижалась к стене всем телом – ни дать ни взять княжна Тараканова. Мышь внутри широко плеснула крыльями – как вёслами по воде.

– Зачем мне всё это, – сказала вслух Вера. Что это были за слова – молитва или угроза – неизвестно, но, выслушав себя, Стенина по раскрытым книгам побежала в свою комнату – собираться. Срочно уйти, уехать! Ей всего двадцать! Боже мой, уже двадцать!

Она не хочет больше держать в руках чужого младенца и произносить на полном серьёзе такие слова, как «марлечка», «счеживание» или «мамина титя». Тьфу! Мамина титя! Вера вспомнила Юльку в расстёгнутой рубаше с мокрым пятном

¹¹ **Мэри Кассат** – американская художница и график, писавшая в стиле импрессионизма.

у одной груди, – с другой сражается Евгения. Соски острые, как вьетнамские шляпы, и Евгения плачет, потому что молоко из этих шляп добывается с трудом. Между тем у Веры Стениной почти оконченное высшее, и пусть они там сами без неё, с *марлочками*.

Вылетела из подъезда, как на метле – и несколько минут озиралась вокруг безумными, точно у врубелевского Демона, глазами. В детстве Вера боялась Демона и в то же самое время зависела от него – листала книжку с иллюстрациями, подглядывала сквозь ресницы. Страшнее всего у Демона были губы – мятые, ломаные, покрытые чем-то липким. Вера в конце концов возненавидела всего Врубеля – даже Царевна-Лебедь казалась ей ведьмой, иначе с чего она так явно поворачивается на голос, когда ты ещё только подумал её окликнуть?

Саму Веру в тот день никто не окликал – она дошла до Белореченской, подняла вверх руку. Через минуту рядом с ней остановилось сразу две машины, «шестерка» и «Волга». Вера выбрала «шестерку», там был знак – «инвалид». Сработало чувство безопасности – оно было у Стениной встроенным и прежде никогда не подводило.

За рулём сидел дядя лет пятидесяти – быстро скребнул взглядом, велел садиться *вперёд*. Тёплый ветер летел в приоткрытое окно. У дяди были седые короткие усы – как будто два комка ваты торчали из ноздрей. Ни малейших признаков инвалидности у него не наблюдалось.

– Убери сумку назад, – скомандовал инвалид.

– С чего это? – поразилась Вера. Сумка лежала на коленях, очень удобно прикрывая ноги. – И вообще, вы куда едете? Я же сказала к оперному!

Инвалид, не обращая на её слова никакого внимания, гнал во весь опор по улице Серафимы Дерябиной, явно имея в виду скорейший выезд за город и тёмный уральский лес.

Завезет, – поняла Вера Стенина. *Завезти девку* – тоже был один из популярных видов спорта в Свердловске, хоть и не такой популярный, как, например, карате. Девчонки, которых *завезли*, в слезах и подробностях рассказывали впоследствии, что *еле как отбились* от насильника. В лучшем случае им приходилось брести домой по шоссе несколько километров. В худшем – сами знаете. *А вот нечего ездить с кем ни попадя*, – злорадно говорила в таких случаях старшая Стенина, не подозревавшая о том, что и её ненаглядная дочь попадёт однажды в такую историю. (Со словами и со злорадством надо быть аккуратнее.). Но этот-то «инвалид» был вполне приличный с виду – одни усы чего стоят! На пальце – золотая печатка, набалдашник переключателя скоростей – прозрачный, с чем-то сверкающим в сердцевине: такие делают на зоне. Когда водитель слегка затормозил на повороте, Вера открыла дверь и прыгнула из машины на ходу. Шмякнулась коленками об асфальт.

– Дура, что ли? – заорали ей. Белоусый «инвалид» поехал в лес один, а Вера поковыляла к обочине – разглядывать свои

несчастные коленки. Они были ободраны симметрично – набухавшие алые ссадины напоминали пирожные с клубничным желе. Колготки порвались, юбка треснула – денёк на зависть. Зато спаслась. Подумаешь, ранки-коленки.

Хромая к автобусной остановке, Вера вспомнила слова всезнающей сеструхи Бакулиной: «Идеальное женское колено должно быть похоже на личико младенца». Три девчонки послушно напрягли мышцы, и сеструха после недолгого суда признала победу Юльки Калининой. В награду ей позволили цапнуть из вазы лучшее яблоко – тогда их ещё не покрывали воском для красоты и сохранности, яблоки были прекрасны сами по себе. А на коленках у Копипасты и вправду были младенческие личики – тогда как у Бакулиной там проявлялись скорее лики монгольских воинов, а у Веры Стениной колени вообще ничего не показывали. Это были просто колени. Теперь, правда, с клубничными ранами, от которых останутся шрамы на всю жизнь – но юная Стенина об этом пока что не знала.

На остановке стояли трое – маленькая старушка с толстым внуком, и молодой человек в очках. Глядя на него, Стенина решила: похож на маньяка.

Пришёл автобус, будто на заказ. Старушка втащила внука в салон, хотя менее подходящего названия для внутреннего мира свердловских автобусов не подобрал бы даже мастер слова. Маньяк шёл следом, тревожно озираясь, – разбитые Верины колени выглядели излишне ярко для этого района.

– Вам помочь? – спросил он. Вера кивнула, и маньяк протянул ей руку. Пальцы – как у Дюрера. «Руки молящегося». За спиной у маньяка висел массивный туристский рюкзак, хотя на туриста он не походил.

Автобус оказался полупустым. Вера, грустно усмехнувшись, заняла *место для детей и инвалидов* – но тут же, взыв, поднялась: сгибать колени категорически не следовало. Маньяк стоял рядом и участливо подхватил её под руку своими «дюрерами».

– Что случилось-то? – спросил он, и Вера, держась рукой за верхнюю перекладину, начала рассказывать свою печальную историю.

– Вот скотина, – заметил маньяк, когда Стенина разделалась с описанием водителя, а в финале восхищённо открыл рот: – Ты что, правда прыгнула? На полном ходу?

Вера скромно улыбалась. Колени жгло так, будто она ползала на них по крапиве.

Маньяк вышел с Верой, на её остановке. Познакомились. *Гера. Вера.* Имена – две ягоды на одной веточке. Пароль и отзыв, возможно – судьба.

Гера ждал во дворе, пока Вера заливала раны перекисью. Две нашлёпки пластыря, джинсы, духи. Кажется, пока она крутила ключом в двери, зазвонил телефон, но Вера не вернулась, слетела вниз по лестнице. Тёмная полоса над хлипкой дверцей почтового ящика. Интересно, у Ренаты есть парень? Как его зовут? Вашек, Зденек, Яромир?

Гера сидел на качелях, обнимая рюкзак.

– У тебя руки, будто Дюрер рисовал! – выпалила Вера.

– А у тебя тонкие колени, – ответил он.

Гера был, оказывается, Герман, в рюкзаке у него лежал фотоаппарат, и ехал он с этим фотоаппаратом в центр города – предлагать желающим закатный портрет на Плотинке. Сиреневое небо, водонапорная башня, фонтан – и чьё-то смущённое лицо крупным планом. Это была работа *для денег*, и трудился Гера вместе с приятелем. Приятель, коренастый блондин, показался Вере старым, ему было под тридцать, он часто, без всякой нужды, облизывался и был похож на сатира кисти Лукаса Кранаха. Сатир считался хозяином двух плюшевых зверей, насколько огромных, настолько же и уродливых, – но, к удивлению Веры, прохожие с удовольствием снимались в обнимку с розовым медведем и синим зайцем. Гера делал *портретики*, Сатир записывал адрес, чтобы *прислать снимочек*. Деньги, конечно, вперёд.

Когда стемнело, Сатир по одному перенёс медведя с зайцем в подсобку кафе «Лидия» на улице Пушкина – Вере это напомнило загадку о лодочнике, который перевозит через реку волка, козу и капусту. У Сатира явно было что-то с барменшей, вообще, у него было что-то со всеми. Барменша в долг налила Гере и Сатиру водки, а Вере плеснула ягодного ликёра – с таким видом, как будто в лицо. Сатир неискренне уговаривал барменшу выйти из-за стойки, *ну посиди с нами, Лен*, но было очевидно – всё, что он мог получить от неё,

давно получено, а интерес к этому «всему» – почти утерян.

Сатир хотел произвести на Веру впечатление, отбить, потом, возможно, *завезти*, ну или хотя бы *завести, как двигатель*. Надо же, как все эти слова похожи на «зависть», но зависти у Веры сегодня не было, как не было и малейшего шанса у Сатира.

Впервые за много лет мышь умолкла, и Вера даже не поняла сначала, что же с нею не так. Она сидела в уютном подвале «Лидии», пила тошнотворно-сладкий, с ароматом шампуня ликёр, вежливо улыбалась *сатирическим* шуткам. Сатир старался, вспотел, бил копытом по полу, махал хвостом – но Вера видела только Геру и удивлялась: да как же я могла подумать, что он похож на маньяка? У него просто очки – как у Чикатило. Тем более встретить сразу двух извращенцев в один день – перебор даже для Стениной.

– ...для себя он совсем другое снимает, – наконец Вера услышала от Сатира что-то важное и посмотрела на Геру особенным, робким взглядом, позаимствованным у Юльки. Тот взгляд был в ходу при Валечке, он замечательно подходил к длинной юбке и платочку. Потом непрактичная Копипаста его выбросила, а рачительная Вера – подобрала.

В стёклах Гериных очков счастливо отражались маслянистые жёлтые лампочки. После второй бутылки Сатир понял, что Вера и Гера римфуются, а Вера и он сам – нет. Молодец, не обиделся, а поручил к барменше – жарко шептал ей в ухо анекдоты, один хуже другого, пока Лена не попросила поща-

ды – или хотя бы разрешения сменить ухо. Гера взял Веру за руку и вывел из кафе – на улицу Пушкина, уже чёрную, ночную, прохладную. Они пошли пешком по направлению к Малышева, и Вера забыла о том, что у неё разбиты колени, а внутри живёт летучая мышь-зависть. Она же *летучая*, ду-мала пьяная Вера, вот и улетела, улетучилась, нет её больше.

– Что ты там бормочешь? – весело спросил Гера. – Какая мышь?

– Летучая мышь, – стала объяснять Вера, – символ меланхолии. Как вариант – сатаны. У Дюрера есть гравюра – там летучая мышь как будто распята на собственных крыльях. Витрувианское животное. Крылья у неё – как кленовый лист...

– Приснись, приснись, рыжий лист кленовый, – спел Гера, а Вера вдруг увидела, что под ногами у них – осень. Именно в эту августовскую ночь с деревьев начали спешно опадать листья – будто торопились куда-то. В эту ночь Копипаста долгих три часа не могла *усыпить* Евгению, привыкшую к запаху Веры Стениной. И в эту же ночь Вера и Гера зарифмовали свою встречу до конца – раненные коленки ничего не испортили.

Утром Вера проснулась первой, на полу рядом с кроватью лежали очки Чикатило. Квартира на улице академика Бардина была съёмной, но Гера ничего здесь *не снимал* со стен. Над кроватью висел выцветший портрет Шварценеггера, которого Гера, как и вся страна, называл запросто – «Шварц».

Стены прихожей украшали зверские физиономии Ван Дамма и Сталлоне, а между туалетом и ванной красовался Стивен Сигал – фирменная морщина меж бровей, два выключателя сверху. На тумбочке лежала картонная папка с фотографиями – кажется, вчера Гера хотел показать, но как-то *руки не дошли*. Вера улыбнулась, дёрнула за шнурок, которым была завязана папка, – совершенно ботиночный, обувной.

На фото были женщины – обнажённые, без головы, но не в том смысле, что головы отрублены, а в том, что их оттяпали при работе над изображением. С точки зрения Веры – правильное решение, потому что увидеть свою голову на таких снимках захотела бы не всякая. Молодые, живые и крепкие тела были совмещены – путем немислимых в дофотошопную эпоху ухищрений! – с самыми разнообразными предметами. У брюнетки (упавший на шею локон сообщал, что это – брюнетка) с гигантскими грудями был встроен вентиль в районе пупка и ещё имелось по отвёртке в каждом плече. У второй модели – тощей, неопознанной масти – в спине были сделаны ящички, из которых торчали циркули и транспортиры, а на локтях блестели колючие фрезы. Снимки были отпечатаны на шершавой, приятно неровной бумаге.

Всё-таки – маньяк...

Вера сложила фотографии обратно в папку и завязала обувной шнурок. Жаль, что эти коллажи не были искусством – в противном случае Вера услышала бы голоса натурщиц, почувствовала бы запах металла и разгорячённой кожи. Воз-

можно, её дар не распространялся на фотографическое искусство? Она так мало об этом знала. Поди пойми.

За кухонным окном виднелся традиционный юго-западный пейзаж – стадо тонких сосен, согнанных во двор, как на расстрел, окружено многоэтажками и гаражами, одинаково серыми и какими-то безвыходными. Найти выход из этих дворов смог бы только местный житель – извилистые дорожки и целые города гаражей в два счёта сбивали чужака с толку.

Вера открыла кухонный шкафчик – там стояла пустая литровая банка и коробка с горчичными сухарями. В холодильнике единовластно царила эмалированная кастрюля, опять же совершенно пустая.

«Понятно, почему он такой худой», – подумала Вера. И тут солнце вдруг вспомнило, что август – это всё-таки лето, и ударило мощным световым залпом: пробив оконное стекло, луч бликнул на металлической хлебнице. Стенина на секунду ослепла, а потом онемела и оглохла от полноты счастья, которое заполнило её от пяток до макушки. Она сорвала пластыри с коленок, бросила в окно, и ветер понёс их в подарок бедным расстрельным соснам. Никакой зависти, ни капли её, ни следа – летучая мышь покинула Веру Стенину и улетела искать себе новое место для жизни.

Гера проснулся к десяти, он был из тех, кто по утрам ненавидит весь мир, даже если утро летнее, на службу идти не нужно, а рядом – юная счастливая женщина. Мрачно попри-

ветствовав Веру, он отвернулся к стене и принялся рассматривать широкую тёмную полосу на обоях, просаленную головами самых разных людей, что жили в этой квартире, да так и не удосужились сделать ремонт. Вера пересчитывала родинки и веснушки на Гериной спине, пока не надоело:

– Ты спишь?

Гера неохотно повернулся. Даже плакатный Шварц смотрел с куда большей теплотой.

– Я по утрам всегда такой.

Вера второй раз за это утро встала, но теперь ещё и оделась – ойкнула, когда джинсовая ткань коснулась чуть-чуть подсохших ранок.

Гера вышел её проводить, обнял неловко, как подросток. Телефон записал карандашом на обоях, Стивен Сигал сморщился, запоминая цифры.

Сосны зашумели, когда Вера шла мимо – осуждали её, как старушки.

Конечно, она заблудилась – вышла к тупиковой стене, серой, с натканными в бетон острыми белыми камушками. Скромный шарм типовой архитектуры.

Вера долго петляла между гаражами, но в конце концов оказалась на той самой автобусной остановке, до которой ковыляла вчера. Счастья заметно убавилось – часть съели фотографии, часть – утренний Гера, такой не похожий на себя ночного и вчерашнего. И всё же Вера бережно несла остатки счастья, чтобы дома не спеша прожить эту историю ещё

раз. А потом она будет ждать звонка – и это тоже прекрасное занятие.

Главное – ни в коем случае не рассказывать ничего Копипасте.

Это её не касается.

Ровно через пятнадцать минут Вера стучала кулаком в железную дверь подъезда. Никто и не подумал открывать. Копипаста жила на первом этаже, и Вера пошла в обход, напугав до полусмерти крохотную болонку – та как раз присела по малой нужде на клумбе, окружённой старыми автомобильными покрышками, раскрашенными в разные цвета. А тут вдруг Вера – на бешеной скорости, с сигаретой. Глядя на собачонку, Стенина решила: никогда не заведу такую, ни за что!

Окно у Юльки было приоткрыто, но шторы плотно задёрнуты.

– Юлька! – шёпотом закричала Вера.

Штора ушла в сторону легко, как занавес в театре, и Вера увидела красивую Копипасту – похожую на рафаэлевскую *Мадонну в кресле*. Евгения с толстенькими ножками *в перешитых* – вот ещё одно словечко под стать *маминой тите* – улыбнулась беззубым ртом.

– Ты что, не слышишь?

– Мы спали, – важно сказала Юлька. Видно было, что она ещё сердится, – самые остатки обиды, как осадок на дне кофейной чашки.

– Пустишь? – спросила Вера.

– Нет, конечно, – ответила Юлька и пошла открывать дверь.

Дома у Калининых всегда стоял особенный запах – именно *стоял*, как туман на болоте. Вере, с её обострённым обонянием, ещё в детстве казалось, что запах этот должен иметь зримую, осязаемую форму, что его можно увидеть и потрогать. Он не был ни приятным, ни отвратным – что-то среднее между ароматом опавшей сырой листвы и вонью нового кожаного портфеля. Возможно, запах обитал в глубинах стенных шкафов – ещё одного советского пережитка, безжалостно отправленного на задворки истории. Так или иначе, Вера к нему до сих пор не привыкла и каждый раз заново пыталась определить, из чего он состоит. Даже молочный запах Евгении не мог изменить атмосферу, и Вера, как всегда, окунулась в духоту квартиры с головой, как в озеро. Единственный способ примириться с тем, что тебе не нравится, – окунуться в это с головой.

Юлька уложила сытую Евгению в кроватку, малышка пару раз пискнула и тут же уснула.

– Клубники хочу, – пожаловалась Юлька. – На кухне целый таз, последние ягоды в этом году. Мать привезла, а мне нельзя – Евгения *обсыт*. Поешь хоть ты за меня, Стенина! Остальные убьём на варенье.

В кухне действительно стоял целый таз с клубникой, которую в Свердловске звали «*викторией*» – победа над кли-

матом, мокрые ягоды в жёлтую крапинку.

Вера была такая голодная!

Юлька жевала булку с маслом, запивала чаем с молоком – диета кормящей матери. Ягоды блестели в тазу самоцветами – одна к одной. Вера ела их жадно, и счастье вновь накрыло её целиком – как в детстве, когда мама обнимает и прижимается щекой к макушке.

– Юлька, я вчера... – начала было Вера, но тут же осеклась. Ни слова, решила же! К тому же рассказывать было некому – молодая мать привалилась боком к стене – как в электричке! – и сладко, безмятежно спала.

– Ты здесь? – шёпотом спросила Вера, но мышь не ответила. Улетучилась. Вера на цыпочках перешла в комнату, где Евгения хмурилась во сне, сжимая крошечные кулачки. Диванная подушка источала фирменный аромат Калининских – Вера перевернула её на другую сторону, легла и тоже уснула.

Ей приснилось, что она ходит по какому-то громадному музею, пытаясь найти последнюю картину для выставки.

Выставка посвящена меланхолии. Дюрер. Лукас Кранах. Беллини. В списке кого-то не хватало, Вера не могла понять, кого именно. А потом Евгения расплакалась, проснувшись, и сон забылся.

Глава шестая

*Это естественная и милая человеческая черта
– любить сходство.*

Гертруда Стайн

Евгения позвонила ещё раз в тот самый момент, когда Вера садилась в такси. Машина была грязной до самых окон, грязь – давняя, осенняя. Практически благородная патина. Внутри тем не менее оказалось чисто, да и водитель смотрел приветливо. Вера сказала: «Алло!» – и связь тут же прервалась. Похоже, у Евгении вдобавок ко всему разрядился телефон. Всклип в трубке – или это хрипела от радости летучая мышь? Вдруг стало страшно, что приветливый таксист заметит суету под пальто, похожую на пляски малыша в утробе на сносях. Вера отлично помнила эти ощущения, когда по животу проходит вдруг стремительная рябь. При желании можно даже различить крохотную дерзкую пятку.

– В аэропорт? – спросил таксист. Вера кивнула, не убирая рук от горла – как будто собралась сама себя придушить.

...Первые полгода жизни Евгения обожала спать на руках у Веры Стениной. Мама Юлька была для неё столовой, а тётя Вера – спальней. Стениной нравилось держать на руках малышку – с тех пор как мышь исчезла, ей это нравилось особенно. Надо же было чем-то компенсировать отсутствие ресентимента – хоть и приятное, но всё равно неожиданное.

В день клубники и общего сна Гера начал звонить Вере с обеда, чем до невозможности напугал старшую Стенину. Он звонил, спрашивал Веру, вздыхал и отключался, как агностик, который пришёл в храм, но не обрёл ни чуда, ни благодати. К вечеру, когда мама была уже на полном пределе, Вера наконец явилась – в мятой футболке, испачканной на плече белым и кислым.

– Ты в гроб меня загнать хочешь!

Стенина поняла, что нужно дать маме шанс высказаться – как артистке, которую вот-вот снимут с роли, и она спешит запомниться публике.

Вера не слишком-то любила свою маму, и это было странно – прежде всего самой маме, мечтавшей о доверительных беседах с дочкой. Она часто представляла себе, как они *валяются* на диване в выходной день и Веруня поверяет ей все свои тайны. А мама выдаёт ценные советы, упакованные в понятные слова не хуже ценных бандеролей. Вера же предпочитала Юлю Калинину, которую мама в детские годы жалела, а в девические записала в шалавы. Непонятно, чему хорошему эта Юля могла научить Веруню, а вот мама – смогла бы. Она с самого дня рождения дочки только и делала, что убирала с её пути всевозможные грабли, и лыко из строк, и палки из колёс. Везде, где можно, стелила соломку, и где нельзя, кстати, тоже. Мама жила для неё, работала для неё – всё по Чернышевскому, всё для светлого и прекрасного будущего отдельно взятого человека. О себе не думала даже во

вторую очередь. Донашивала надоевшие наряды за Верой, благо фигуру сохранила – и втайне гордилась этим, хотя и не всерьёз. Доедала то, что осталось на сковороде после Веруни. И додумывала дочкину жизнь – все эти лакуны, пустоты, белые пятна, которые Вера оставляла вместо ответов на вечные мамины «кто да почему». Мама не считала Веру плохой дочерью – та была для неё безусловно хороша и по-своему заботилась о матери. Но никогда, никогда не была с ней откровенной! Ни разу не доверила ей даже самой крошечной тайны. Старшая Стенина однажды попыталась вывести что-то у Копипасты, но шалава только засмеялась в ответ:

– Нина Андреевна, если бы Вера хотела с вами поделиться, она бы это сделала.

Говорить-то они все научились... Сама-то! Эти её непонятные замужества, и ребёнок неизвестно чей! И то, что Вера в итоге родила без мужа, – тоже было влияние Юли Калининой, которой мама завидовала пусть и не так отчаянно, как сама Вера, но вполне в духе теории Ницше. Жаль, что мама не читала «К генеалогии морали», хотя, конечно же, не жаль, а напротив – слава богу. Окончательно убедившись в том, что дочь никогда не пустит её в свою жизнь, старшая Стенина пережила последовательно все круги ада. Адовы круги оказались похожими на детскую пирамидку – с семью деревянными бубликами, которые снимаются и надеваются на деревянный штырь, развивая у ребёнка ощущение формы, цвета и пропорций. В детстве Веруня обожала такие.

Круг первый. Цвет красный. Лимб. Мама такого слова не слыхивала, но круг этот был ещё более-менее. Тогда дочка хотя бы через раз прислушивалась к маминым советам. Ноги брить нельзя, Веруня, *ещё больше вырастет*. Хвалиться тоже не нужно, а то сглазят. Ногти стричь – только по вторникам и пятницам, чтобы водились деньги. А если что-то потеряешь, закрой глаза и повтори трижды: «Обретаю. Обретаю. Обретаю». Однажды дочь сказала: «Ты, мама, просто кладезь народной мудрости» – и это звучало совсем не иронически, а так, будто Веруня восхищается маминым опытом, признаёт его. Ирония зазвучала потом, и красное кольцо больно сжалось, как будто его надели по ошибке не на тот палец. А снять – не могут.

Круг второй. Цвет фиолетовый, старушечий. Страсти по дочери. Нина Андреевна пришла к Веруне в университет, стояла у главного входа среди высоких и толстых колонн. Двери – неподъёмные, а у нее к тому времени начала болеть правая рука, указательный палец вообще отстегивался как неродной. Вдруг с той стороны кто-то дёрнул дверь, старшая Стенина почти что упала и услышала хохот – навстречу шли студенты, человек шесть, и с ними – Веруня. Мама была одета в этот день не лучшим образом – в старую кофту из ангоры. Эта фиолетовая кофта была Верина, продать некому, а выбросить жалко. Веруня обожгла маму взглядом, пробежала мимо. Вечером был скандал – зачем ты приходишь в институт, позоришь меня! Дочка сердилась, потом ей стало

стыдно. Обнимала, гладила по больной руке – мама была так счастлива и стерпела боль. Тем же вечером Вера говорила с кем-то по телефону, голос её скворчал, как масло на сковородке – и старшая Стенина невозможно завидовала этому человеку.

Было в этом круге и кое-что похуже, когда у Веры оставались с ночёвкой какие-то парни. Спать было невозможно – мама слышала то, что ей вовсе не хотелось слышать. А хотелось, чтобы Веруня пришла к ней утром и сказала, просяяв: – Мама, я люблю его! Мы скоро поженимся!

Вот когда мать была бы на высоте! То злосчастное приданое, слежавшееся так, что места заломов не разглаживались даже через марлю... Мама вмиг достала бы его из стенного шкафа, выпустила бы на волю эту залежавшуюся мечту!.. Ночной гость тем временем пробирался к дверям на цыпочках, во рту у него было горько, как от антибиотика, – но по другой, менее уважительной причине.

– Михаил, да? – кричала ему вслед мама, но видела только затылок или в крайнем случае щёку с замятыми подушечкой красными полосами – и снова вспоминалось злополучное приданое, никому не нужное, ветшающее бельё. – Михаил, вы хотя бы в армии служили?

Старшая Стенина мечтала, что муж у Веры будет военным, но дочь только фыркала в ответ на «эту чушь». Хватала маму за руки, и её холодные пальчики на запястьях держались цепко, как браслеты. Как фиолетовые кольца, что ста-

новятся все уже с каждым днём.

Третий круг адовой пирамидки – синий. В своём окружении старшая Стенина была кулинарный гений. Никто не умел делать таких тортов – и не осмелился бы попросить рецепт, потому что торты Нины Андреевны были неотделимы от неё самой. Было бы странно представить себе Марию Владимировну из КИДа, которая приготовила бы вдруг такой же черёмуховый бисквит с глазурью. Или Эльзу Ивановну, секс-бомбу холоднокатаного цеха (в миру – инженера-технолога): чтобы эта Эльзочка, с её рижскими духами «Диалог» и попкой в форме сердечка, испекла вдруг наполеон? Высокий, в отличие от своего тёзки, а вкусный какой, боже, положите мне ещё буквально кусочек, Нинушка Андреевна! И я возьму домой для мужа, можно?

Старшая Стенина могла приготовить всё, что угодно – и связи были, и продукты не переводились. На кухонном пенале, под самым потолком *дозревали* зелёные бананы. Из холодильника, стоило приоткрыть дверцу, падали колбасы. Веруня в детстве глубоко презирала конфеты-батончики и соевый шоколад «Пальма», потому что ей перепали чешские пралине и обожаемая «Ночка», сладко таявшая во рту. Ах, эта «Ночка» в синих фантиках со звёздами! Веруня всерьёз считала, что дробь орешков в начинке – обломки этих звёзд. Голодные школьные подружки шли напрямик в кухню, Юля Калинина никак не могла пережить эти бананы под потолком – и намекала неуклюже, что *вот бы просто понюхать...*

Но и здесь дочь предала свою маму. На первом курсе кто-то, понятно, что из зависти, посоветовал Веруне сбросить пару килограммов – и с тех пор она сидела на вечной, как проклятие, диете. Худоба дочке не шла, под глазами темнела синева – вот тебе и «Ночка». И не слушала, не слышала свою маму – круги сжимались всё теснее, как манжет в тонометре. Цвет шёл за цветом, грех сменялся другим грехом.

Хуже всего стало, когда Вера с Ларочкой переселили её в другую квартиру – это было по-настоящему большое горе. Мама даже собралась умереть, *раз я больше никому не нужна*, но однажды к ней наведались по причине какого-то праздника Эльза с Марией Владимировной. Принесли, подумать только, коньяк.

– Вам нужен сериал, Нина Андреевна, – сказала Эльза. Как будто лечение назначила. Она была уже третий год на пенсии, попа сердечком превратилась в спелую тыкву, но привычка наряжаться и давать советы уцелела. – Мария Владимировна смотрит про врачей, а я обожаю с убийствами.

Бывшие коллеги надоумили Нину Андреевну купить компьютер, а на прощание Мария Владимировна дерзко попросила рецепт черёмухового бисквита. «Всё равно у тебя не получится», – думала старшая Стенина, вручая коллеге листок с рецептом, где была по чистой случайности не указана пара важных ингредиентов.

Лара помогла бабушке *установить Интернет*, и вот уже Нина Андреевна *качает* фильмы из *Сети* и записывает но-

мера уже просмотренных серий – так лётчик былой войны отмечал сбитые самолёты звёздами на фюзеляже.

Но в тот давний день, когда Вера в прокисшей футболке терпеливо переминалась с ноги на ногу, выслушивая мамин спич, – в тот день дочь была единственной звездой Нины Андреевны.

– Ты в гроб меня загнать хочешь! Где тебя носило? Почему не позвонила? Почему какой-то мужик наяживает по телефону каждые полчаса?

Голос у Геры был не по возрасту, и вообще, словно бы достался из другого набора. Такой трудно подделать и невозможно перепутать.

– Опять звонит! – Мама бахнула дверью своей комнаты, тяжело дыша и... радуясь, ликуя! Веруня – живая, она вернулась и даже молчит виновато, а не грызётся с полуслова, как это происходит обычно. Доченька, свет в окне!

Вера стояла у кухонного окна, накручивая кудрявый телефонный провод – будто локон на палец.

– Конечно, приеду, – сказала она в трубку. – Я тоже скучала.

На плите стояла кастрюлька с варёной свёклой – мама собиралась сделать винегрет. Услышала кастрюльный бряк и ворвалась в кухню:

– Веруня, ты голодная?

– Очень, – сказала Вера, и старшая Стенина, опасаясь спугнуть своё счастье, принялась накрывать на стол.

Свёкла была аметистовой, сочно блестела в разрезе. Счастье заливало светом и кухню Стениных, и весь их строгий город, даже летом похожий на чёрно-белый снимок.

Вера обдумывала мысленную выставку – «Дети». Инфанта Маргарита – бедняжка в нарядном платье, на груди словно бы запечатанном сургучом. Пухлая Женестьева Кайботт играет с кукольным сервизом. Деловитая мадемуазель Броньяр – и её таинственный мешочек, из которого выкатился клубок шерстяных ниток. Вера составила посуду в раковину, поцеловала мать – и та вспыхнула радостью.

Альбом из будапештского музея лежал на столике в гостиной – Вера поспешно листала страницы и не чувствовала запаха, не слышала звуков, не видела ничего, кроме плохо пропечатанных репродукций... У танцующей музыки Лоренцо Лотто¹² – красные ягодицы, как будто она не плясала в античных кушах, а просидела целый день за письменным столом. И как Вера не замечала этого раньше!

В ванной она стянула с себя испорченную футболку, посмотрела в зеркало – ну ведь красавица! Ресницы выдерживают спичку, а карандаш, наоборот, падает из-под груди – всё, как требуют девичьи каноны.

Тем же вечером она была у Геры. Маленькая Евгения снова плакала ночью, а Стивен Сигал с интересом смотрел, как Вера Стенина нашаривает выключатель в темноте – такое повторялось несколько раз, пока она не привыкла и не начала

¹² **Лоренцо Лотто** – один из крупнейших венецианских живописцев.

делать это на ощупь, безошибочно.

В одну из этих ночей они создали Лару.

Это слово – «создали» – здесь, конечно, некстати, но Веру с первых же недель беременности в равной степени тянуло к мороженому и пафосу.

Теперь она мечтала о дочке, девочке. Такой, как Евгения, но чтобы лучше. Стенина больше не геройствовала – ей нельзя было носить на руках тяжеленькую Евгению, ведь внутри подрастал свой собственный ребёнок. А Евгения очень любила, когда её носят, укачивают, и обязательно – с песнями. Юлька исполняла бодрый комсомольский репертуар, выводила тоненько и ясно:

Юность пела «Песню о Каховке»
И не унывала никогда!
Юность в телогрейке и спецовке
В Арктике бывала на зимовке,
Строила в пустынях города!

Потом вступала Вера красивым низким голосом:

Навстречу ветру,
Навстречу солнцу,
Перегоня бег времён, стремится юна-аась!
Нам по плечу любое дело,
Любая даль,
Любая трудна-аась!

В старших классах Стенина и Калинина пели в школьном ансамбле – тогда как парижанка Бакулина, хоть и окончила музыкальную школу, могла всего лишь аккомпанировать, и почему-то всегда – в ля миноре. Гблоса у Бакулиной не было, а вот Юльку с Верой одарили сверх меры и нужды. Кто там раздаёт таланты, лично у него бы спросить – а чем вы руководствуетесь, когда награждаете низким, переливающимся, как глубокий синий цвет, голосом Веру Стенину? Зачем он ей был, этот голос – петь колыбельные? Он так и увял с нею вместе, так и не зазвучал, как должен бы – в полную силу. *Ведь могла бы певицей*, – думала старшая Стенина – *ведь не зря я придумала то пианино*.

Копипаста пела высоко, но негромко. Силы в её голосе не было, но не было и фальши. *Микрофон, и был бы стадион*, – считала Юлькина мама и усмехалась, вспоминая, как дочка пришла впервые с репетиции школьного ансамбля.

– У меня *первое справа*, – с гордостью объявила она, имея в виду первое сопрано.

Самое яркое совместное выступление Веры и Юльки состоялось в начале девяностых, в видеобаре ресторана «Космос». Обычно там орала музыка – на маленьких экранах изламывались солисты группы «Кар-Мэн» с квадратными причёсками и такими же, как в рифму, челюстями. Но кроме телевизоров там, что удивительно, присутствовало пианино – сосланное из ресторана или же случайно заскочившее на огонёк светомузыки. «Элегия» с ватными клавишами и невоз-

можными педалями, которые поминутно залипали. Бакулина гневно била по ним ногой, добиваясь нужного эффекта. Однажды Юлька упростила бармена выключить треклятые видики, Женя Белоусов мигнул и исчез – с открытым настежь ртом. Бакулина била педали – будто прищипривала коня – и гоняла свой ля минор по кругу – аккорды были как уставшие лошади в цирке. Ля, ре, соль, до, фа, ре, ми, ля. Юлька облокотилась на гладкую крышку «Элегии», Вера встала рядом, склонив голову. Романсы, пионерские песни, блатняк, возбуждавший Бакулину, – она начинала играть так громко, что заглушала слабый голос Копипасты. Пели и современную чепуху – тексты напоминали телеграммы советских времён с их пропущенными словами и колченогими фразами: «И стану я его беречь вдали в усталых ритмах сердца. Тебя запомню я навечно и ночь в огнях сгоревших свеч». Посудомойка из бара, тётя Маша или баба Зина, – неважно, важно, что она вышла на пение из кухни, точно лиса из норы. Подложила ладонь под руку и слушала, как пьяные девки голоса на два голоса «В лунн-аам сияньи снег серебри-иится...». Это был триумф, их слушали бармены, охрана и гости, что обычно танцевали в тёмном зале, не снимая норковых шапок-формовок. Но потом вечер окончился, и больше подруг петь не просили. «Элегия» внезапно исчезла из своего угла, на видеоэкранах снова изламывался дуэт «Кар-Мэн» и улыбался Женя Белоусов.

Как давно это было – два или даже три года назад? Не

имеет значения, ведь теперь Вера мечтала о дочке.

С Герой они встречались уже несколько месяцев, он даже снимал её ню. «А где у тебя эта ню?» – веселилась Копипаста. Гера долго колдовал над снимком, вмонтировал в спину два больших крыла – к сожалению, чёрных.

Раньше Вера пренебрежительно относилась к фотографии и не считала её искусством. Фотограф не создаёт сюжет, а присваивает его. Да, нужен взгляд. Да, надо заполнить кадр по максимуму. Но это – техника или, так уж и быть, ремесло. Так считала Вера прежних времён, но теперь она думала по-другому. Станные работы Геры, которые она бегло смотрела тем утром, при тщательном изучении увиделись иначе – он дарил каждой женщине новую судьбу и другую историю. А это уже искусство.

Естественно, Стенину интересовало, кем были Герины модели – брюнетка с локоном на шее и худышка неопределённой масти? Но фотограф не стал рассказывать, отмахнулся. По утрам он бывал всё так же раздражителен, часами лежал в кровати под мрачным, похожим на ружейное дуло, взглядом Шварценеггера. А потом оттаивал, принимал жизнь заново – каждый день.

– У тебя одна рука всегда холодная, а другая – горячая, – заметил однажды Гера. Была сладкая, как халва, и такая же серая ночь. Луна пряталась за тучами. Вера вдруг выпалила: – А ещё я жду ребёнка.

Гера шлепком включил свет – так некоторые медсёстры

ставят уколы. Шварцнеггер болезненно сморщился от яркой вспышки, а Вера и вовсе ослепла на мгновение.

– Какого ещё ребёнка?

Без привычных очков лицо Геры выглядело голым, неловко смотреть.

– Обыкновенного. Девочку.

– Но ты же предохранялась?

Вера действительно *предохранялась* – мамина знакомая врачиха прописала ей марвелон в таблетках. Она бросила пить таблетки в тот день, когда у Юльки родилась Евгения. Это было всего лишь совпадение – Вере показалось, что от таблеток она стала тяжелеть в самых важных местах. Особенно огорчали бёдра – когда Вера садилась, они некрасиво расплющивались, а вот у проклятой Копипасты оставались стройными и длинными, как французские багеты.

Гера нашёл очки на полу, криво нацепил их и гневно смотрел на Стенину. Шварценеггеру, тому вообще было некуда глаза деть, была бы его воля – покинул бы этот флэт с его драмой.

Вера изучала засаленные пятна на обоях – причудливые, как облака. Вон то, слева от Шварца, напоминает Австралию. Рядом – слон с рифлёным, как шланг пылесоса, хоботом. Внутри Веры, там, где всюю шло строительство маленькой девочки – ручки, глазки, ножки, – всё окаменело и умолкло. Услышать хотя бы шевеление зависти, её привычные взмахи крыльями, шёпот...

– Тебе всего двадцать! Какой ребёнок?

Гера ходил по квартире, кидал всё, что попадалось на глаза – попадалось такое, что не жаль. Карандаш, Верина косметичка, пустая винная бутылка. Драгоценная камера лежала рядом, но её не заметили, тогда как менее удачливые предметы летали и гремели на радость соседям – айне кляйне нахтмюзик.

– А, я понял! – возликовал Гера. – Ты замуж хочешь, да?

– Вовсе нет, – сказала Стенина, и это была правда. Сейчас ей хотелось не замуж, а уйти отсюда. Уйти как можно скорее, и неважно, что будет потом. Вера надела блузку, потянулась за колготками, как вдруг Гера прыгнул на диван – как подросток.

– Верка, ну можно ведь как-то решить эту проблему?

– Это не проблема! – Вера держала в руках колготки, и всё показалось ей вдруг нелепым. Словно она смотрит глупый фильм и не решается выйти из зала.

– Не уходи, – попросил Гера и выключил свет. Они лежали в темноте, молчали, за голыми окнами без штор висела налитая, тяжёлая, тоже как будто беременная луна. Потом Вера услышала, как брякнули об пол очки, и Гера спросил шёпотом:

– А может, будет мальчик?

...Вера любила находить сходство: предметы были похожи на людей, музыка – на живопись, а её жизнь могла бы стать похожей на жизнь Юльки Калининой.

– Почему ты не рассказала тому, из Оренбурга, про Евгению?

Юлька пожала плечами. Она быстро похудела после родов, стала красивее себя прежней и уж точно что красивее всех остальных.

– Я не считаю, что моему ребёнку нужен отец.

– А вот моему – нужен.

– Ну, ты, кажется, не в том положении.

Вера высоко подняла голову. Здесь по всем правилам следовало выразительно промолчать.

– Верка, как здорово! – закричала Копипаста. – Девчонки будут дружить!

Она тоже откуда-то знала, что у Веры Стениной родится девочка. На год младше Евгении.

Лара.

Глава седьмая

Этот вид музыки не следует исполнять в присутствии простого народа, который не способен оценить его изысканность и получить удовольствие от слушания. Мотет исполняется для образованных людей и вообще для тех, кто ищет изысканности в искусствах.

Иоанн де Грокейо

– Вы торопитесь?

Вера не сразу поняла, что таксист обращается к ней, а не к своему невидимому собеседнику, какие в изобилии водятся у каждого водителя. Почему-то именно таксисты особенно любят телефоны, рации и другие средства срочной связи. Одиноко им, видать, в машине. Однажды Веру вёз таксист, у которого были сразу три разные трубки, и он обращался с ними виртуозно и нежно, как с любовницами, а вот на дороге поглядывал лишь время от времени. Дорога была – нелюбимая жена. Но этот, сегодняшний, говорил с Верой – и даже смотрел на неё через плечо с таким видом, будто собирался туда трижды сплюнуть.

Вера могла бы сказать правду – она не просто «не торопится», а вообще сомневается, стоит ли ехать к Евгении? Но вместо этого выдавила девчоночье «а что?».

– Да я заправиться не успел, вон уже лампочка горит. Вам

встречать или сами улетаете?

Вера сглотнула комок, похожий на клочок кошачьей шерсти.

– Встречать, но я... не тороплюсь.

– Понятно, – сказал таксист. Ничего ему не было понятно кроме того, что тётка с приветом – что ж, зато он успеет заправиться.

На углу Шаумяна и Ясной встали в длинную очередь машин. Вера прикрыла глаза, изображала спящую.

Беременной, ей постоянно хотелось спать. Это было первое, что принесла с собой маленькая, тогда ещё невидимая и неизвестная Лара, – сон. Вера засыпала на лекциях, специально укладывала подбородок на карандаш, чтобы голова не падала – но всё равно дремала, особенно на лекциях по истории декоративно-прикладного искусства. Тётя-лектор была тихая и напряжённая, как дворняга, которую много и подробно били. Крепко сжатые губы напоминали беременной Стениной лавровый лист – не цветом, но формой. Чувствовалось, что у лекторши большой опыт, что она много знает о декоративно-прикладном и сама, вполне возможно, лепит глиняные игрушки или чеканит по ночам. К несчастью, чеканить слова на лекциях она не могла совершенно. До беременности Вера порой мечтала о том, чтобы у таких людей имелась кнопка, усиливающая звук. Но теперь ей даже нравился тихий шелест декоративно-прикладной речи – как будто листья опадали с лавра, убаюкивая студентку Стенину.

Теперь она приходила в университет без прежней радости. Немногие мальчики, поступившие с нею вместе, волшебным образом растворились к третьему курсу. Девочек, которые учились лучше её, Вера избегала по причине самосохранения – не для того она изгнала мышь, чтобы та вернулась в новом обличье, – а девочки, учившиеся хуже, были глупы и раздражали. Чувство, которое привело Веру сюда после школы, ослабло – теперь она скорее додумывала картины, нежели ощущала их. Старый преподаватель с жёлтой сединой вышел на пенсию. Лара внутри просила то мороженого, то орешков, то подгорелых сухариков. И даже двери парадного входа в университет казались теперь слишком тяжёлыми, неподъёмными.

В очередной день, «прожитый без славы и искусства» (кто бы знал, как это «ы-и-и» в русском переводе огорчало чуткую к любой дисгармонии Веру), она на полдороге к выходу повернула обратно, в деканат. И попросила академический отпуск.

– Зря вы, Стенина, – пожурила её замдекана. – Доучились бы свои два года. Преподаватели всегда жалеют беременных – вам же легче будет защищаться, с животиком.

Вера выслушала её и пошла оформлять бумаги. Юлька, та давно перевелась на заочное и говорила теперь о журфаке в самых пренебрежительных тонах.

– Понятно, что это не образование. Учат, как дверь ногой открывать.

К беременной Вере Юлька относилась с подчёркнутой двумя жирными чертами – как сказуемое – заботой.

Она всегда была ко мне очень добра, думала Вера, тоскливо глядя в окно на бесконечную очередь машин. Таксист барабанил пальцами по рулю, как будто исполнял этюд Шопена – Годовского.

Да, Юлька была к ней добра, внимательна, заботлива. Она любила Стенину – и этим только добавляла камней в кучу, которая и так росла с каждым годом.

Конечно, Вера тоже заботилась о Юльке – и явно, и скрыто. Не перечсть, сколько раз она врала по её просьбе и матери, и поклонникам.

Копипаста была крайне неопрятна во всём, что касалось денег, – занимала и не возвращала, свои же хранила в сумке в виде мятых комков, принимать которые согласилась бы не всякая продавщица. В суровые годы безденежья Вера иногда подкидывала в Юлькину сумку такие же комки – и наивная Калинина всякий раз ликовала, обнаружив смятую десятирублёвку:

– Я ж тебе говорила, Верка, – у меня всегда есть деньги!

Да, Вера много что делала для своей подруги, но Юлька умудрилась сделать ещё больше – причём легко, на ходу, как, собственно говоря, и совершаются всегда самые важные дела.

Лишь только Евгения выросла из своих первых ползунков, как они тут же были сложены в особую коробку, на кото-

рой Юлька написала красным фломастером «Вере». Коробка пополнялась месяц от месяца, Евгения росла параллельно с Вериным животом.

Прежде мужчины в жизни Веры напоминали проходных героев в какой-нибудь торопливо написанной книге – как только они надоедали автору, так тут же исчезали, не оставив ни одной лазейки, чтобы вернуться. Но когда появился Гера, ему отвели особую роль, и никого не интересует, понравится он лучшей Вериной подруге или не понравится. И это тоже было очень важно – что Копипаста это поняла.

Ну, а самое главное Юлька сделала для Веры потом, в самое жуткое время...

Такси наконец подъехало к свободной колонке, и водитель крикнул в окно:

– Девяносто второй, пистолет!..

Вера смотрела в окно на человека в красной куртке, который заливал бензин, и отсчитывала цифры на счётчике, как последние секунды своего счастья.

...Смирившись с грядущим отцовством, Гера познакомил Веру со своей мамой – учительницей музыки. Лидия Робертовна принимала их в трёхкомнатной квартире на улице Бажова – Вера не решилась спросить, почему Гере нужно снимать жильё, если мама устроилась так вольготно.

Лидия Робертовна отсканировала Стенину внимательным взглядом, после чего вручила ей приветственные подарки – утягивающие трусы телесного цвета и серебряную цепочку

с погнутым замком. Вера отдалась коробкой конфет «Рыжик».

Больше всего Лидию Робертовну интересовало, не питает ли Вера надежд превратить её в няньку для ребёнка? Вера ничего подобного не питала, в чём и призналась совершенно искренне. Лидия Робертовна выдохнула и позвала *молодёжь* пить чай. Был подан вафельный торт и Верины конфеты, а к слову «питать» вернулся первоначальный смысл.

Потом хозяйка предложила сыграть для Веры:

– Чего бы вам хотелось?

Вера попросила «Адский галоп» Оффенбаха, и как-бы-свекровь подняла левую бровь.

– Сыграй Шумана, мама, – попросил Гера, и Лидия Робертовна бросила на клавиши руки так, как будто это были не руки, а совершенно отдельные, цепкие и хищные твари, которые разбежались по клавиатуре и начали терзать белое-чёрное, выжимая из него звуки такой глубины и силы, что даже маленькая Лара внутри, кажется, замерла от счастья. И неважно, что в стену стучал сосед, что – утягивающие трусы и целых три комнаты на одну старую тётку. За такую музыку можно простить и больше.

На прощание Вера не удержалась и чмокнула как-бы-свекровь в щёку, от которой слабо пахло духами «Эллипс». Лидия Робертовна снова вздёрнула свою бровь и, ни слова не сказав, закрыла за ними дверь – как крышку пианино.

– Мама когда-то давно выступала, но теперь играет очень

редко.

– Почему? – поразилась Вера. Если бы она так умела, то целыми днями играла бы для самой себя.

– Ну, там целая история. Моцарт и Сальери, слышала?

Вера насупилась. Счастье стихло, и только в затылке ещё отдавалось ясное шумановское *да-да-да*.

– Моцарт и Сальери – это один и тот же человек.

– Красиво, но ошибочно. – сказал Гера. Они ловили машину на углу Ленина и Бажова. Машина ловилась плохо, даже клёва не было, а вот разговор наклёвывался интересный.

– Пойдём до оперного, – предложила Стенина, и Гера согласился. Рассказывал на ходу:

– Мать была очень одарённой – гениальная юная пианистка, музыкальная гордость Урала.

Гера пнул камешек, ничем перед ним не провинившийся. Они шли по аллее, на скамейках сидел весь город – пил или хотя бы курил.

– Когда мама оканчивала десятилетку при консерватории, к ним пришла новая ученица. Из Казани переехала. Она играла совсем не так, как мама, – я бывал на её концерте и могу сказать тебе, что она вообще играла совсем не так, как все. Никто так не умел, тем более среди девушек. Не обижайся, Вера, меломаны – те ещё шовинисты.

– Я не обижаюсь. Скамейка свободная! Посидим?

– Давай. Знаешь, я думаю, что сила Моцарта – не только в гениальности. Она ещё и в отсутствии сомнений.

Гера поправил пальцем свои маньяческие очки.

На соседней скамейке кто-то вдруг вцепился в гитару – словно кошка в диванную спинку.

– А у мамы – были сомнения, – Гера подал Вере руку, и они пошли прочь от гитарных дын-дыры-дын, окончательно изгнавших небесного Шумана. – Та, из Казани, играла не лучше, но по-другому – а главное, её исполнение нравилось ей самой. И всем остальным – тоже. На концертах этой пианистки даже медведь понял бы, в каком месте нужно хлопать. У мамы совсем другая манера. Она играет так, будто на тебя идёт целое войско, ты заметила?

Вера кивнула. Вспомнила цепких тварей, вполне способных захватить в плен слушателя.

– Вера, а ты кому-нибудь завидовала?

Стенина от всей души расхохоталась.

– Что смешного? – обиделся Гера. – Я, между прочим, о своей маме рассказываю.

– Ты говоришь с самым завистливым человеком на земле! Ну, или по крайней мере в нашем городе.

Они дошли до оперного и, не сговариваясь, проследовали мимо трамвайной остановки, хотя там зазывно гремел открывшимися дверями двадцать шестой трамвай. В следующей аллее была занята каждая скамья – город праздновал пятницу.

Впервые в жизни Стенина рассказывала вслух историю своей зависти. Удивительно, какой она вышла короткой.

– Да разве это зависть? – удивился Гера. – Какое-то мелкое женское соперничество. Ну, длинные ноги. Ну, художник этот. Подумаешь!

Вера надулась. Вспомнила, как терзала её днями и ночами голодная летучая мышь.

– Настоящая зависть, – сказал Гера, – бывает только у людей искусства.

– Моцарт и Сальери?

– Да. Масштаб – другой, но чувства те же. Мама не смогла перенести успеха той девчонки. Она не стала с ней соревноваться, не пожелала, чтобы их сравнивали, даже в консерваторию не стала поступать, окончила всего лишь «Чайник». А та девчонка стала знаменитой пианисткой и сейчас выступает – живёт в Германии. Мама преподавала, играла только по просьбе учеников – «показать трудные места». Как вдруг однажды, года три назад, заявила: «Вся жизнь прошла – а я ещё и не играла никогда так, как мне хотелось». И с тех пор – играет, играет, играет... Но не для кого-то – для себя. Ну и ещё для меня и соседей, хотя они не всегда довольны.

Вера шла рядом с Герой нога в ногу – как подчаски с площади Коммунаров, до которой они добрались, ничуть не утомившись. Конечно, здесь уже не было никаких подчасков, но огонь горел, бессмертный и вечный, как музыка, которую играют для себя.

Стенину захлестнуло вдруг чувство благодарности – жгучее, как невечный, хрупкий, ночной огонь. Она вся была –

спазм благодарности. Спасибо тебе, город, что есть ты, и музыка, и Гера – и маленькая девочка внутри.

Это был последний счастливый день Веры Стениной, и его не испортил даже разговор в лифте, когда они поднимались на свой этаж.

– А почему ты снимаешь квартиру, если у мамы три комнаты в центре? – не удержалась Вера.

Гера посмотрел на неё, как на банку сметаны сомнительной свежести.

– Я думал, ты и так поняла. Это же мамина квартира!

– А-а, – протянула Вера, словно бы внезапно догадавшись. На самом деле она ничего не поняла – её собственная мама не поступила бы с ней так даже во сне.

Сон долго не шёл – Лара внутри была голодной, ведь Лидия Робертовна угощала их одним лишь Шуманом – чай с тортом не в счёт. Вера нашла в холодильнике кастрюлю с горошницей, которую принесла утром мама. Нет, подумала Вера, Шуман Шуманом, но горошница – тоже вещь.

Интересно, а Гера кому-нибудь завидовал? Фотографу, художнику? Вера подумала, что обязательно спросит его об этом завтра.

Проклятое завтра...

С утра нужно было ехать на приём в консультацию – Вера пожалела Геру, не стала его будить и одна отправилась в сонном автобусе на Белореченскую, где её взвешивали, измеряли, прослушивали и только через час отпустили домой.

Погода была «замечательная», как выражалась Юлька. Юлька! Вера совсем забросила подругу, да и по Евгении соскучилась.

Глянула на часы. Десять. Точно не спят и будут рады.

Юлька открыла дверь после первого же стука. Вера забыла, какая она красивая, и в горле царапнуло острым когтем.

– Привет, пропажа! – радостно сказала Юлька. В коридор выползла Евгения. Слюни – ручьём, очередные зубы, судя по всему, в пути.

– Уже ползает? – ахнула Вера.

– А ты ещё реже приходи к нам, тётя Вера, – выразительно сказала Юлька. – Мы так и замуж выйдем, не заметишь.

Стенина с удовольствием просидела у Юльки до обеда, потом приехала Юлькина мама из сада, напекла блинов – Вера, конечно, осталась. Потом Юлька уговорила её пойти гулять с Евгенией в Собачий парк на Ясной. С этим парком у Веры было связано неприятное воспоминание: в хорошую погоду здесь проходили школьные уроки физкультуры, и Вера, когда бежали кросс, упала прямиком в коровью лепешку – рядом был Цыганский посёлок, жители которого запросто выгуливали здесь скотину.

Юлька катила коляску и рассказывала Евгении, как метко свалилась на этой самой аллее тётя Вера и как выглядели после этого её спортивные штаны. Евгения вежливо улыбалась, потом – уснула, и Стенина начала рассказывать Юльке про Лидию Робертовну, а Юлька, нетипично для себя са-

мой, слушала подругу, почти не перебивая. Вокруг местного болотца лежали на полотенцах и одеялах местные жители, жадно вбирая скудное уральское тепло – буквально отвоевывали у солнца каждый лучик. Небо было синим. Они даже видели белочку.

В общем, ещё один «замечательный» день.

– Помнишь, откуда взялся «замечательный»? – спросила Юлька. Она всегда тщательно следила за авторством, отслеживала и на ходу пресекала любые попытки присвоить словесные открытия, анекдоты, а с годами – ещё и кулинарные рецепты: пользуйтесь, но не забывайте, кто был первым на этом пути.

– Машинистка ошиблась, и корректорша пропустила ошибку в заголовке. А хуже всего, что я была в тот день свежей головой и тоже проشياпила это «замечательное дело».

Юлька засмеялась, в глазах её горячо блеснули слёзы. Скучает по газете, решила Вера.

– Шесть часов уже! – сказала тётка, которая шла им навстречу с собакой и с собакой же, судя по всему, разговаривала. Неужели шесть? Гера наверняка волнуется. Сколько раз просил предупредить, если Вера задерживается, – сам всегда проверял, чтобы в кармане лежали «двушки» для телефона.

Юлька с Евгенией проводили её до маминого дома – Вера думала заглянуть на минутку, но просидела почти час, потому что мама приготовила плов и заливное. Ларе внутри

очень нравилось заливное.

Телефон в квартире на улице Серафимы Дерябиной молчал, поэтому Вера слегка успокоилась. Скорее всего, Гера задержался на съёмках. Кажется, они договаривались с Сатиром – пока ещё тепло, *отрабатывать* ростовых кукол.

Мама настояла, что проводит Веру до остановки, положила ей с собой плов в банке-термосе. По дороге опять завела старую песню:

– Куда поторопилась, доча? И почему вы не женитесь, если у меня уже всё готовое лежит?

Вера два раза промолчала, а на третий рывкнула на маму так, что та, бедная, чуть не выронила из рук банку-термос.

Потом мать посадила её в автобус и долго махала ей вслед «ладонями рук», как тоже написали однажды по ошибке в Юлькиной газете.

Сытая Лара сладко спала, Веру тоже клонило в сон.

Возле Гериного подъезда, который Вера давно уже называла «нашим», стояло много людей, и среди них – милиционер в рубашке с коротким рукавом. Очень молодой и очень серьёзный.

На асфальте, у подвальной двери лежал, скорчившись, как зародыш с плаката в женской консультации, человек в футболке, испачканной красным. Таким же красным было испачкано его лицо и острые камешки на фасаде дома – элемент советского декора. Человек в футболке был без очков, поэтому Вера не сразу его узнала.

Когда же узнала – начала падать навзничь, как в кино, только это было не кино, и Вера не догадывалась, что умеет так падать – ещё и с Ларой внутри. Все растерялись, только молодой милиционер поймал Веру, когда она уже почти коснулась земли затылком. От милиционера несло острым чесночным пóтом, это подействовало как нашатырь. Вера открыла глаза и снова увидела перед собой эти камни, торчащие из стены, точно осколки стекла. Геру бросали на эти камни, пинали в голову, потом опять бросали. Лицо, как рассказывала впоследствии какая-то бабёнка, *ровно ягодами измазано*. Мимо шли люди, кто-то решился вызвать милицию. Пока доехали, убийцы скрылись, а Гера – умер.

Милиционер нашёл в ближних кустах сломанные очки в тёмной оправе, принёс их и положил Вере к ногам – так кот приносит хозяйке задушенную мышь. Вера хотела заплакать, но не смогла.

В те годы убийства были не то чтобы в порядке вещей, но уж точно не чем-то выдающимся. В новостях каждый день показывали кровавые лужи и взорванные авто. *По вашему делу*, как сказал потом следователь, *не было никаких белых пятен*. Геру подкараулил у подъезда ревнивый муж одной его модели – той, что была неопознаваема на фото, но зато предстала во всей своей телесной реальности на суде. Модель – справная девица с явным мансийским предком. Глаза-надрезы и неожиданно романтические локоны на висках, похожие на пейсы. Рыдала. Убийца сидел в клетке с подель-

ником – сам ничего особенного, инженер в клетчатой рубашке, а вот дружок был из *серьёзных*. Ревнивец случайно нашёл у жены конверт с негативами – Гера честно возвращал их девушкам. Без обработки снимки были, честно говоря, смешные. Белые колготки, надетые без трусов – зрелище на любителя, но муж рассвирепел, вытряс из жены адрес фотографа и помчался к нему, прихватив по дороге дружка, которому, как говорится, был бы повод.

Вера смотрела заседание суда по телевизору, с сумкой, собранной для роддома, в ногах. Крупный план: Сатир держит за руку Лидию Робертовну, пальцы у неё вздрагивают, как будто хотят вырваться и рухнуть на клавиши, но Сатир держит их крепко. Хороший парень, кстати. Жаль, что перестали общаться.

Лидия Робертовна позвонила Вере за день до рождения Лары – сказать, что уезжает в Петербург. Там жила не то племянница, не то, наоборот, тётка: кто-то жил и был готов принять. Голос у как-бы-свекрови звучал неожиданно бодро, и Вера удивилась:

– Как вы так держитесь?

– Обыкновенно. Я не разрешаю себе думать, что Гера умер. Я представляю, что он уехал и у него всё хорошо. И ты, Вера, тоже должна так думать. Это поможет.

Помогла ей тогда – Юлия Калинина. Гладила по голове, слушала, плакала. Она её спасла – с каждым днём, слезой, словом боль уходила, как яд из раны. Пережить чужое горе

легче, нежели чужое счастье – но, если честно, так считают те, кто не способен ни на то, ни на другое.

Когда родилась Лара, из Петербурга с оказией прибыл пакетик – внутри обнаружилась брошка с камушками: один выбит, как глаз в драке, но те, что остались, были несомненно ценными.

Роды прошли легко – Вера как песню спела (первый куплет – соло, второй – вместе с Ларой).

Должно же было в этот год случиться хоть что-то хорошее.

Глава восьмая

Самые завистливые племенные культуры – такие, как добуан и навахо, – действительно не имеют концепта удачи вообще, как и концепта шанса. В таких культурах, например, ни в кого не ударяет молния, иначе как по злой воле недоброжелательного соседа-завистника.

Гельмут Шёк

В машине сладко пахло бензином.

Таксист чувствовал себя виноватым, что задержал пассажирку, и потому развлекал её интересным разговором:

– Вы за кого голосовали?

– Что? – Вера, вынырнув из мыслей, не сразу поняла, о чём и кто с ней говорит.

– За кого голосовали, спрашиваю? На выборах?

– Я на выборы не хожу.

Таксист осуждающе глянул в зеркало дальнего вида, но не поймал ответного взгляда. Потом ему в очередной раз позвонили – таксист называл позвонившего «заяц» и говорил с этим зайцем очень тихо, чтобы Вера не слышала нежных подробностей. Даже у этого таксиста, хотя он немолод и некрасив, был близкий человек, пусть и с дурацкой кличкой. «Даже бегемот уже моложе тебя», – однажды сказала матери Лара в зоопарке, глядя на табличку с объявлением «Бегемоту

Алмазу – 25 лет!». ».

Вера уткнулась лбом в окно, смотрела на февраль. Был он в этом году какой-то неправильный. Ночная метель и утренний Грабарь сменились плывущей сангиной подтаявшего, грязного снега. Сегодня страна, как научили, отмечала *праздник влюблённых*: то здесь, то там алели сердца на витринах, и по радио кто-то вещал про «валентинки».

Впервые об этом странном празднике Вера слышала от маленькой Евгении. Той было, кажется, года три, *шкодный*, по мнению Копипасты, возраст. Юлька давным-давно вышла на работу в редакцию еженедельника, а девочку пристроили в садик.

На дверце шкафчика картинка – юла. «Мамин портрет», – шутила Вера, когда приходила за Евгенией. Няньки поджигали губы, глядя, как малышка сама застёгивает пальто – не с той пуговицы. Как шарит по раскалённой батарее – ищет варежки в катышах. Всё у неё было вечно не по размеру, мало-узко или велико-широко. И платье к новому утренику ненарядное, и про банты забыли. А у всех девочек были бархатные платья и такие банты – взлететь можно!

– Иди сюда, горечко, – говорила Вера Стенина и, не спуская с рук двухлетнюю Лару, кое-как перестёгивала пуговицы, находила варежки, поправляла шапочку. Шапочка у Евгении то и дело съезжала набок, открывая злобным морозам нежную ушную раковинку.

– Тётя Вера, дай поддержать Лару, – просила Евгения.

Няньки кудاختали: куды тебе её держать! Вон какая справная девка! Три подбородка – как у министра!

Вера наливалась гордостью, что приятно булькала в горле, как мятное полоскание.

Евгения была худенькой, под глазами – темно. И пахло от неё удушливо, как от хомячка.

– Ест безобразно, – сообщали няньки. – Рыбные котлеты пробывали впихнуть, так она их *вырвала*.

Вера честно доносила до Копипасты эти сообщения – мать-юла пыталась слушать, но видно было, как скучны ей все эти котлетки, варешки и платья.

– Наигралась в мамку! – подытожила старшая Стенина, когда Вера впервые в жизни нажаловалась ей на подругу. – В шесть лет повесит ключ от дома на шею – и вперёд!

Вера бы так не смогла. Она для Лары – всё, что нужно, и с горкой.

Как будто из неё вынули весь эгоизм, а на его место вложили страх за дочку.

Перед сном Вера гоняла в голове страшные картины: а что, если Лара заболит? Или её украдут? Недавно в Юлькиной газете прошла статья – в песочнице оставили девочку на пять минут, мама отвернулась с подругой перемолвиться. Ля-ля-ля, – а девочки уже нет в песочнице, только совочек торчит красненький. И никто ничего не видел, просто исчез ребёнок. Искали по всему городу, а через день она в той же песочнице сидит. Живая. Но уже только с одной почкой.

Мир вокруг, да что с тобой? Ты всегда был таким понятным! Вера, может, и не любила тебя – но никогда не боялась. Даже в тот жуткий год не боялась. А сейчас она стала – сплошной страх. Жизнь целиком перелилась в Лару – в эти толстенные ручки, сжимающие булочку, в эти глаза – то синие, то зелёные, *в зависимости от освещения*. Первый зуб застучал по ложке в два месяца. Зубастая, журналисткой будет! – шутила Копипаста.

Вера отправляла в Петербург фотографии Лары, вела прилежную летопись, описывала вехи жизни. Первый зуб, первое слово, первый шаг. Локон в конверте. Лидия Робертовна отвечала через раз, хвалила фотографии, но просила не присылать так помногу – хранить негде.

Копипаста, в которой проснулось мрачное остроумие, однажды сказала:

– Представляешь, Верка, альбом последнего года жизни? Последний зуб, последнее слово, последний шаг!

А мама заявляла (не без некоторого злорадства – пусть и припудренного):

– Вот теперь, Веруня, ты меня поймёшь.

Всё было теперь другое – и Вера, с её искусством и обострёнными чувствами, с трудом обживала эти перемены. Хорошо хоть зависть не возвращалась – святой Георгий пронзил недостойное чувство копьём, как на картине Уччелло¹³. Спасибо, Гера, и за это...

¹³ **Паоло Уччелло** – итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения.

И пусть Юля Калинина по-прежнему была красивой – ну и что. У Веры была Лара. У Юльки – поиски счастья. Она его искала повсюду, азартно и безуспешно. Счастье пряталось и посылало вместо себя фальшивки, одну за другой. Вера снисходительно слушала рассказы Копипасты – как та познакомилась с одним почти известным артистом и на улице, в сумерках, на глазах у всех...

– Вчера же холодно было! – удивлялась Стенина.

Всего через неделю Юлька, как царевна из сказки (или картёжник, если царевна вам не нравится), доставала из рукава другую историю: она ездила в Тагил в командировку и познакомилась там с молодым директором совместного предприятия. Совмещалось предприятие с немцами, а директор был с тонким носом и ледяным обращением. Этаким злой волшебник. Копипаста уговорила его приехать в Екатеринбург и решила показать всю свою красоту разом, поэтому и побежала встречать его на улицу в джинсовых шортах и ажурной майке *на голо тело*. Директор не узнал её, принял, по всей видимости, за проститутку и велел шофёру ехать мимо, обратно в Тагил.

Вера, слушая эту и другие несимпатичные истории, вспоминала: когда Юлька бросила кормить грудью, то первым делом от души наелась всего, чего нельзя было так долго, и запила запретные плоды шампанским. Точнее, залила. Её нелепые свидания, одно глупее другого, были чем-то похожи

на то страстное обжорство. Наверное, надо было остановить подругу, но «надо» не всегда равняется «можно». Остановить Юльку не сумел бы никто, ведь на её стороне сражался мощный воин – правда женщины, ищущей счастья.

Старшая Стенина приговаривала: «И тебе, Веруня, надо как-то устраиваться в жизни». Но Вере тогда казалось, что она своё счастье уже нашла.

Они с Ларой так точно подходили друг к другу, что никого другого в этом рисунке и быть не могло. Как те два профиля в загадке-картинке, которые превращаются в вазу, если смотреть слегка под другим углом, – вряд ли им нужен кто-то третий.

Поначалу с Верой все носились, боялись сказать лишнее и сделать больно – но со временем защитный покров истончился. И сама Вера смирилась с потерей быстрее, чем следовало... Сначала боялась потерять ребёнка и не позволяла себе даже думать о том, что случилось с Герой, – вела растительный образ жизни, оберегала своё пузо как святыню. Потом, когда родилась Лара, боялась, что *уйдёт молоко*, – смеси в магазинах стоили очень дорого, да и грудное вскармливание полезнее. А после, когда Лара уже приступила – весьма увлечённо – к «общему столу» и можно было с чистой совестью оплакать свою утрату, Вера не обнаружила у себя никакой особенной скорби – было лишь сожаление размером с окаменевший шарик из шерсти, который годами лежит в кошачьем желудке и называется благородным словом

«безоар».

«Видимо, я его по-настоящему не любила», – холодея от таких мыслей, думала Вера. И тут же сама себя поправляла, с гневными Юлькиными интонациями: «Что за глупости! Конечно, любила».

Но она была счастлива и без Геры.

Мама помогала с Ларой, точнее, пыталась отобрать её у Веры хотя бы на полчаса. Пока дочка спала, Стенина рисовала её карандашом – получалось что-то похожее максимум на Жана Дюбюффе¹⁴. Как же она ненавидела свою бездарность! У зависти – хотя бы крылья были.

Юлька свистала где-то все вечера напролёт, рассказывала, что в её новый портфель из фальшивой кожи входит ровно три бутылки вина и они лежат там, как гранаты. *Верка, будь другом, заberi сегодня Евгению из садика*. Стенину коробило разве что слово «сегодня». Могла бы и не уточнять – «сегодня» на языке Копипасты означало «всегда».

И вот Евгения выбегает из группы, откуда жарко пахнет кашей и хлоркой.

– Тётя Вера, а мама не придёт? А где Лара?

– С бабушкой, поэтому давай скорее!

По соседству со шкафчиком «юла» располагался шкафчик с картинкой «трактор» – там хозяйствовал четырёхлетний юноша Марик. Пузо туго обтянуто колготками, палец

¹⁴ **Жан Дюбюффе** – французский художник, основатель художественной концепции арт брют – грубого искусства.

производит разыскные работы в носу.

– Будешь так делать, – не утерпела однажды Вера, – расковыряешь себе огромный нос. У меня был такой одноклассник – Илюша Зильберг. Окончил школу с пятаком вместо носа.

Марик горько зарыдал, оплакивая судьбу несчастного Зильберга, который, кстати, вполне припеваючи живёт сейчас в тёплых краях.

На другой день к Вере подошла незнакомая женщина – нос у неё был основательный, как каминная вытяжка.

– Это вы – мама Жени Калининой?

Пока Стенина собиралась с ответом, удачно встряла Евгения:

– Тётя Вера, можно, я не буду надевать болоньевые штаны?

– Нельзя. Там минус двадцать.

Женщина с вытяжным носом попыталась зажать Веру в углу.

– Вы зачем пугаете моего ребёнка? Марик вчера так плакал!

– Извините, – сказала Вера. – Но у него всё время палец в ноздре, я хотела как лучше...

– Занимайтесь своими детьми! – выкрикнула женщина и на прощание страшно шмыгнула своим невероятным носом.

Евгения, когда они уже вышли на улицу, спросила:

– Ты видела, какой у мамы Марика нос? Как думаешь, она

его тоже в детстве ковыряла?..

...— Не копайся, Евгения! Я же тебе сказала — Лара с бабушкой, а это ещё хуже, чем одна.

Вере не нравилось, как мама управляет с внучкой. Однажды она её уронила, малышка стукнулась головой о кроватную спинку — и с ума едва не сошли все трое: Лара от ушиба, Вера — от гнева, а мама — от раскаяния и стыда. Обошлось, но не забылось!

Евгения стояла перед шкафчиком Марика и держала в руках криво вырезанное из куска красной материи сердце. Марик минуту назад пробежал мимо них — на шее, заметила Вера, висел ботиночный шнурок с золотым крестиком и долька чеснока в баночке из-под киндер-сюрприза. Вампиры и святые угодники — портрет эпохи.

— Сегодня праздник Валентина, — объяснила Евгения. — Я признаюсь в любви Марику.

— Этому, в колготках? — не поверила своим ушам Стенина.

— Мы все ходим в колготках, тётя Вера, — рассудительно сказала Евгения. — Анна Владиславовна нам дала тряпочки, и мы вырезали сердечки. Надо отдать тому, кого любишь.

— А тебе кто-нибудь отдал сердце?

Евгения грустно улыбнулась. Вера хотела её подбодрить, но вместо этого некстати вспомнила исторический факт — такие в изобилии хранятся в памяти, как мины на полях сражений. Может рвануть в любой момент! Одна такая мина — всем известное изображение сердца изначально обозначало

головку полового члена. Конечно же, Евгения пока что не оценит эту прелестную аллюзию.

– Клади ему в шкаф своё сердце, и пошли скорее.

– А можно к вам? Бабушка поздно придёт.

Евгению уже полгода как оставляли дома одну. Она умела делать бутерброды и жарить яичницу. Яичницу! Лара всё ещё передвигалась по дому у Веры на руках, хотя была тяжёлой, как мешок с сахаром. Стоило поставить дочку на пол, тут же начинала крутить ладошками «фонарики» и канючить:

– Лялюки, лялюки! – то есть «на руки». Вера вздыхала и повиновалась.

– Так можно к вам?

– Можно.

– А ночевать?

– Да! Только быстрее.

Вера взяла убогое тряпичное сердце, положила его к уличным ботинкам Марика и захлопнула дверцу шкафчика.

Снег хрустел под ногами – точь-в-точь крахмал в пакете.

Когда они шли мимо дома Калининых, от берёзы отделилась фигура в чёрном платье. Как будто чья-то тень ушла в самоволку.

– Ух какой! – восторженно сказала Евгения.

Бывший Валечка, а ныне отец с неизвестным именем, улыбался:

– Здравствуй, Вера! Это твоя дочка?

– Привет. Юлькина.

Валечка дёрнулся было, но взял себя в руки. Спросил, крещёная ли, поругал, что нет, и предложил окрестить – хоть бы и на дому.

– А мою можно тоже? – заинтересовалась Вера. Мама её давно изводила – *давай окрестим девку, хуже точно не будет!*

– Вы как же так? – развёл руками Валечка. – Одна за другой!

Он ещё много что спрашивал – замужем Юля? А Вера? Где работают? Евгении давно надоело смотреть на необычного дяденьку, а Вера так торопилась домой, что подошвы горели. В воображении – как декорации в театре – сменялись картины одна страшнее другой: мама внезапно падает, сердечный приступ – а Лара дотягивается до чайника, который только что вскипел, и... Или: мама внезапно сходит с ума и выбрасывает Лару в окно. Или...

– Или позвони лучше сначала! – сказала она Валечке на прощание.

Поздно вечером, уложив девчонок, Вера смотрела в кухонное окно – вот как сейчас в такси, уткнувшись лбом, – там в свете фонаря чёрно-белый, как футбольный мяч, кобель делал общее дело с рыжей сукой. И это было самое точное следование букве праздника, который полюбила вся страна.

Отчёт о встрече под берёзой Юлька приняла спокойно.

Валечка давно в ней отболел, уже столько всего случилось после!

— А вот окрестить — это мысль. — признала Копипаста. — Я организую.

У неё было множество знакомых — неисчислимое. Юлька и не пыталась *исчислять*, но когда требовалось — перебирала, как чётки, и находила нужную бусину. Нашла и в этот раз — иеромонаха, который носил рясы с ручной вышивкой, зимой щеголял в собольем полушубке и пел ангельским тенором. В прошлом — ведущий солист оперного театра. Говорят, когда в театре собрались ставить «Отелло», то накатали бумагу епископу — так и так, дескать, отпустите вашего сотрудника принять участие в постановке, потому что достойных теноров днём с огнём! Епископ посмеялся, но не благословил. Душить людей даже на сцене не следует. Как и петь на сцене, если ты священник.

Иеромонах ничуть не огорчился. Он вообще редко огорчался — был весел, жизнелюбив, любил прихвастнуть. Один анекдот с его участием Юлька неоднократно рассказывала при Вере, но каждый раз было смешно, поэтому Вера её не останавливала. Как-то раз Юлька поехала с иеромонахом и телевизионщиками в монастырь на Ганину Яму — сопровождали важных гостей из Москвы. Гости были точно из одного помёта — серьезные дяди в длинных кашемировых пальто мутных оттенков.

Иеромонах гуськом прогнал их по главной дорожке, по-

сле чего выстроил – как на расстрел, утверждала Юлька, – откашлялся и сказал:

– Все началось с того, что *я совершенно случайно обнаружил* царские останки!

Вот таким он был – священник, крестивший Лару и Евгению. Ему ассистировал другой батюшка, куда более постылый, похожий на всех персонажей Эль Греко разом: длинное лицо мученика, голубая кожа, нервные руки. Эль Греко – самый современный из старых мастеров, его работы выглядят так, будто написаны совсем недавно. Вере всегда казалось, что в те времена никто не мог даже не рисовать, а *видеть* так, как Эль Греко. Хотя иные толкователи считают, что художник страдал астигматизмом и это болезнь принуждала его видеть мир неестественно вытянутым, искажённым, словно бы снятым на широкоугольный объектив.

Лара восприняла процедуру крещения благосклонно, а вот Евгения расплакалась, и губы у неё дрожали, даже когда всё закончилось. Юлька стала крёстной Лары, а Вера – *кокой* Евгении. Когда все прощались, девочка робко протянула весёлому иеромонаху картинку, специально для него нарисованную.

– Как красиво! – восхищённо сказал добряк. – И дом, и цветы – как живые! Спасибо, миленькая.

Цветы были выше дома раза в два, но Вера была вынуждена признать: в рисунке и вправду *что-то было*. Дети – если не пропалывать способностей, данных им от природы, –

почти всегда рисуют талантливо.

Ох уже эти рисунки Евгении... Хранить их было негде, выбросить – жалко, к тому же девочка ещё и проверяла каждый раз – любитесь ли тётя Вера её картинками?

– А ты маме подари, – коварно советовала Стенина.

Евгения совсем по-взрослому разводила в стороны руками:

– Мама всегда говорит: «Прекрасно!» – а потом пишет на другой стороне свои статьи.

Ближе к школе Евгения увлеклась пластилином. Воспитательница её хвалила, требовала от Веры «приобрести испанский материал» и потом осуждающе поглядывала, так как материал никто не приобрёл, и малышка лепила из того, что было в садике, – а были там жёсткие бруски грязных оттенков. Евгения делала высокие и тонкие фигуры, напомиавшие Вере Джакометти¹⁵, у которого, возможно, тоже был астigmatизм – слава богу, что искусствоведы не изучают медицину, неизвестно, до чего бы они додумались ещё. Несколько таких фигур со множеством всяческих ухищрений было доставлено домой к Стениным – пыль они собирали не хуже мягких игрушек, да и вообще раздражали Веру хотя бы отпечатками пальцев, навеки оставшимися на поверхности. Но она всё равно не решалась их выбросить.

– Эня, – сказала однажды Лара, показав пухлым пальчи-

¹⁵ **Альберто Джакометти** – швейцарский скульптор-авангардист, живописец и график, один из крупнейших мастеров XX века.

ком на пластилиновую выставку.

Евгения взвизгнула:

– Она меня по имени назвала! Первое слово!

Лара обняла Евгению и повалила на пол со всей силы. Она была выше её ростом и крепче – богатырская девица. *Сбитая*, гордо признавала старшая Стенина.

Евгения рядом с ней – дитя подземелья. Лопатки под платьем, как накладные. Коричневые *подглазья* – сколько раз Вера говорила Юльке, что надо проверить печень, но мать-юла так и не собралась. В конце концов к врачу Евгению отвела Вера – девочку послали на зондирование, нашли холецистит. На обратном пути из поликлиники Евгения, позабыв, как только что плакала, глотая мерзкую трубку, рассказывала тёте Вере о своей мечте: когда она вырастет, то станет художницей.

– Мечтай осторожно, – посоветовала Вера. – И вообще, женщины хорошими художниками не становятся.

Евгения расстроилась, молча пинала камень до самого дома. А Вера вдруг вспомнила свой давний спор с Герой, когда она сама была на позиции Евгении.

– Ну вот назови хотя бы одну успешную художницу – такую, чтобы ценилась наравне со старыми мастерами! – требовал Гера.

– Артемизия Джентилески! – выпалила Вера. Она гордилась Артемизией и особенно любила ту её картину, где Юдифь вдохновенно отрезает голову Олоферну от имени и

по поручению всех женщин.

Гера нахмурился:

– В первый раз слышу. Ладно, допустим. А ещё одну?

Вера начала перебирать в памяти одно имя за другим, но все они оказывались мужскими. С современными проще – Моризо¹⁶, Серебрякова, Кассат, Марианна фон Верёвкин, но Гера ведь требовал старых мастеров. Тот спор привёл их, помнится, в постель – впрочем, туда их приводили все споры, разговоры, да и вообще – все дни и ночи.

Сейчас она знала, кого ещё назвать, жаль, Гера не услышит. Конечно, женщины-художницы прошлого чаще всего рисовали приторные портреты, кустарные цветы и котят – но были среди них и великолепные исключения. Например, Софонисба Ангиссола¹⁷. Вазари сказал о той картине, где три сестрички Софонисбы играют в шахматы: «Им нужны только голоса для того, чтобы ожить». Вера в отличие от Вазари слышала голоса всех трёх девушек Ангиссолы – и даже упрёки Софонисбы: *Юные дамы, ведите себя пристойно, вы мешаете мне работать*. Ещё были монахини Сиенской школы и, конечно, Розальба Каррьера¹⁸, – её аллегории Ве-

¹⁶ **Берта Моризо** – французская художница, рисовальщица, представительница импрессионизма. **Зинаида Серебрякова** – русская художница, участница объединения «Мир искусства». **Марианна Верёвкина** – русская художница-экспрессионистка.

¹⁷ **Софонисба Ангиссола** – итальянская художница, первая известная художница эпохи Ренессанса.

¹⁸ **Розальба Каррьера** – итальянская художница и миниатюристка венециан-

ликодушия и Справедливости, совершенно лесбийские, если смотреть на них испорченными глазами нашего века. Мир испортился – только поэтому Антоний Падуанский на полотне Элизабетты Сирани¹⁹ видит несомненно педофильский сон.

– Тётя Вера, – сказала Евгения, – а если я вдруг стану мальчиком, из меня получится художник?

– Что за глупости? – возмутилась Стенина. – Лепи-рисуй, а там посмотрим.

Когда Ларе исполнилось три – в доказательство чему предъявлялся пухлый трезубец из пальцев, – Стенина решила *восстановиться на факультете*. Тетка из деканата встретила её как родную.

– Вы же работаете? – уточнила она, и Вера зачем-то кивнула. Давно пора найти работу! Весь вопрос в том какую? Кому он нынче нужен – недоученный в «искусственной» области специалист? Мама предлагала поспрашивать на заводе, но Вера придушила эту идею ещё в воздухе. Юлька обещала помощь одного своего друга – тот работал в коммерческом банке пресс-секретарём, писал годовые отчёты. К счастью, до цифр его не допускали, хохотала Копипаста, а то бы он там такого понаписал!

– А какое отношение я к банку... – начала было Вера, но Юлька, перебив, быстро объяснила ей, что, пока они тут

ской школы, один из главных представителей стиля рококо в искусстве Италии и Франции.

¹⁹ **Элизабетта Сирани** – художница болонской школы, представительница барокко.

рожали да кормили, в стране изменился состав населения. Раньше Россию населяли обычные люди и бандиты, а теперь – обычные люди и богатые. Хочешь – сиди на попе, жди, пока счастье свалится на тебя сверху, как яблоко на сэра. А хочешь – сама потряси яблоньку, сейчас это дозволено каждому. Например, Вера смогла бы работать с клиентами.

– Ни за что! – сказала Стенина. Есть люди, которые могут угождать и приносить, а есть те, которым угождают и приносят. Вера – во второй группе, и ни с подносом, ни с бэйджем Лара свою мать не увидит. Ещё чего!

Юлька дёрнула плечом – *не хочешь*, процитировала скормороха Букашкина, *быть музой – не надо*. А Вера купила в ларьке газету с объявлениями «Ярмарка» – увлекательное чтение! Чего здесь только не делали: и продавали, и колдовали, и просто болтали друг с другом – примеряли на себя будущие чаты. Вера с трудом пробиравлась сквозь этот словесный лес, набранный чёрным и красным шрифтом, – отдельные слова цеплялись к ней накрепко, как ветки с колючками.

И нашла в конце концов – можно даже сказать, услышала крик:

«Средней школе № 268 срочно нужны учителя истории, английского языка, изо и химии». Вера вспомнила двести шестьдесят восьмую – она была в двух дворах от её дома, в девятом классе они с Бакулиной ходили туда на «дискачи». Потом можно будет девчонок пристроить, мелькнуло у Веры. И вообще – это лучше, чем *работать с клиентами*, пусть и

за большую зарплату. Учительский хлеб показался ей вдруг вполне съедобным – такой аппетитный каравай.

На другой день Стенину уже привечала школьная директриса, лицом своим напомнившая Вере отрубленную голову, какие насаживают на кол для устрашения врага: растрёпанные волосы, кожа прилипла к скулам, как первый слой папье-маше, широко распахнутые, словно бы вечно ужасающие глаза, и сама – *бледня бледней*, сказала бы мама. Симпатичная, в общем, женщина. И встретила Веру на десять баллов из десяти.

– Искусствоведческий? Прекрасно, Вера Викторовна! Будете вести у нас изо.

– Ой, вот только не изо. Я рисовать не умею.

– И не надо! Пусть дети рисуют.

– Нет, изо я вести не буду. Исключено.

Директриса насупилась:

– А сами вы что хотели взять?

– Я думала, эстетику.

Отрубленная голова расхохоталась, и на щеках её проступил страшноватый румянец, похожий на шрамы.

– Какая уж теперь эстетика, Вера Викторовна! Народ деньги зарабатывает! У меня сразу пятеро уволились – кто в банк, кто секретарём. Ольга Яковлевна по математике ушла бухгалтером в совместное предприятие.

– Математику точно не смогу, – испугалась Вера. – Вот если историю...

Директриса тут же, как фокусник, подсунула ей чистый лист и начала диктовать уверенным голосом:

– В углу справа пишем: «Директору средней школы номер двести шестьдесят восемь цифрами... Кобыляевой М. В. от... заявление... Прошу принять меня... Дата... Подпись...». Когда сможете выйти?

Она спрашивала так же умоляюще, как те девочки во дворе, что лет пятнадцать назад кричали в окно: «А когда Вера выйдет?»

Самозваная историчка созналась, что ей вначале надо найти садик для дочери. Оставлять Лару с бабушкой она не хотела, кроме того, малышке нужно привыкать к общению, будь оно неладно.

У директрисы тут же нашлось быстрое решение: в ближайшем детском комбинате держали место для её собственной внучки, но дочь с мужем вдруг сорвались в Москву.

– Вашу девочку возьмут в младшую группу, – разливалась Кобыляева. – Тем более что дети, которые не посещали детский сад, болеют все первые годы школьной жизни, – добавила она на прощание, любезно придержав дверь.

Вот такая случилась *история*.

В школе Стенина не любила этот предмет. Даты, тяжёлые и острые, как пики, требовалось учить, а они никак не запоминались, проваливались на самое дно памяти и гнили там никому не нужные, как кости безвестных воинов, павших в сражениях. Битвы при Мунде, Гастингсе или Моло-

дях сливались в одну большую битву. Вера не видела правителей живыми людьми – в её представлении на тронах восседали безликие имена, буквы, ряженные в шапку Мономаха или горностаевую мантию. Лишь несколько человек были безусловно реальными: Наполеон на Аркольском мосту, Филипп Четвёртый, вырождавшийся буквально на глазах у Веласкеса, и, конечно, Франциск Первый кисти Клуэ: вот он мог бы запросто выйти из рамы и спросить у Веры Стениной какое-нибудь «са ва».

Это была идея! И она Вере сразу понравилась – отныне истории искусства предстояло стать просто *историей*. Любая картина тянула за собой целую связку ассоциаций и честных свидетельств эпохи – вскоре Вера бодро объясняла пятиклассникам Римский Египет при помощи фаюмских портретов. Брюллов пригодился на уроке про Помпеи с Геркуланумом. Караваджо (вы знаете, что он был убийцей? – и вот уже даже мальчики слушают так, как никакие мальчики никогда в жизни её не слушали), так вот, Караваджо лично присутствовал на казни Джордано Бруно. Гойя великолепно справился с темой «Расстрела повстанцев», и даже Пикассо выложился до конца, рассказав о Второй мировой войне в «Гернике».

В общем, художники были молодцы, да и дети почти не раздражали. И даты Вери никто учить не заставлял – можно было в любой момент заглянуть в книгу, чтобы проверить, когда стрела прилетела в глаз королю Гарольду или в каком

году крестилась Киевская Русь.

– Тётя Вера, тебе нравится быть учительницей? – спрашивала Евгения, глядя, как Вера проверяет тетради с письменными ответами.

– Ди, Эня! – сердилась Лара, била Евгению по спине крепенькой ручкой. В те дни она старательно отваживала её от Веры.

– Куда я уйду, Лара? – грустно говорила Евгения. – Ты же знаешь, моя мама работает до самой поздней ночи.

Юлька упорно искала своё счастье – оно должно было обладать привлекательной внешностью, быть высоким, с красивым носом и широким размахом денежных крыльев. Бедная Копипаста так уставала от поисков, что ложилась спать сразу же, как переступала порог родного дома. Евгения даже не успевала донести до прихожей очередной рисунок, а мама уже скрывалась в спальне – оставалась лишь подхваченная сквозняком волна духов пополам с табаком.

Сквозняк – злой дух, что влетает в окно, лишь только зазеваются хозяева. Евгения уходила смотреть телевизор, волоча рисунок по полу, как побеждённый воин – плащ по грязи.

Вера однажды заметила, что Евгения гримасничает, глядя в телевизор, – вот Лара, та сидела неподвижно, как изваяние. А Евгения гримасничала, жмурилась, тёрла глаза.

Стенина записала девочку на консультацию к офтальмологу, оказалось – косоглазие, да ещё и какое-то сложное. Вы-

писали очки, один глаз надо было заклеивать, и так – полгода. В первый день, когда Евгения предстала перед матерью в *новом имидже*, Юлька зарыдала:

– Какой ужас, кошмарище!

– Я думала, ты мне спасибо скажешь, – рассердилась Вера.

– Бедная моя девочка, – завывала Копипаста, обхватив своими длинными руками растерянную Евгению. – Бедное несчастное дитя!

– Очки не сломай!

– Не плачь, мама, – серьёзно сказала Евгения. – Главное, не забывай, что мне надо шесть месяцев ходить с *заклеенным очком*. Не волнуйся, я буду напоминать.

Юлька успокоилась, уже на другой день привычно покрывала на Евгению. А зрение у девочки через полгода и вправду выровнялось.

Всё вообще как-то выровнялось. От судьбы никто, кроме Юльки, ничего особенного не ждал, тем более – не требовал, все просто жили каждый день с утра и до вечера. Лара не сразу привыкла к садику, Вере приходилось убегать сразу же, как заведёт её в группу. Потом долго стояла под дверью, слушала – плачет или показалось? Евгения ходила в другой детский сад, поэтому вечерами ей теперь приходилось возвращаться домой в одиночестве, с ключом на шее. Всё точно по прогнозам опытной старшей Стениной. Вера забирала Юлькину дочку при первой возможности – Лара то колотила Эню, то вдруг проникалась к ней таким страстным чувством,

что оно буквально пёрло наружу, как позабытое в кастрюле тесто. В минуты страсти Лара прижималась к входной двери, завывая басом:

– Эня! Эня!

Приходилось одеваться и шагать к Калининым. Евгению только позови – набросит пальтишко, и вперёд. Шапочка набок, ухо «гуляет». В руках – пластилин, а сами руки – в цыпках.

Вот так они жили в те годы.

А потом случилось то, что случилось.

Глава девятая

...Я расскажу вам, как ухаживать за лицом и руками... о французе, с которым я познакомилась в поезде по дороге в Биарриц... а ещё расскажу вам об итальянских картинах, которые я видела. Кто величайший итальянский живописец?

– Леонардо да Винчи, мисс Броди.

– Неверно. Правильный ответ – Джотто. Он мой любимый художник.

Мюриэл Спарк

Вера дремала, уткнувшись лбом в окно такси – у неё было счастливое умение спать в любых условиях. *Прямо как кошка!* – завидовала Копипаста. Ей-то, чтобы уснуть, надо было обязательно лечь в постель – причём, в собственную, – трижды перевернуться с боку на бок, поменять нагретую сторону подушки на прохладную...

Такси угодило в пробку на подступах к Россельбану – трассе, ведущей в аэропорт. Бензиновый аромат выветрился, теперь в салоне припахивало ванильным освежителем – всё же не зря маленькая Лара считала, что слова «ваниль» и «вонь» однокоренные. Машина трогалась и снова застывала, Веру укачало. Когда именно такси вырвалось на просторы Россельбана, Вера заметить не успела – зато увидела, внезапно проснувшись, что они летят напрямиком на серую «Нексию». Её бросило вперёд, на спинку водительского кресла, а

потом – резко назад, так что голова наскочила на какой-то неведомый крючок, как пальто – на вешалку.

«Зачем тут крючок?» – удивилась Вера. Она потрогала голову, посмотрела на пальцы – красные.

Из «Нексии» к ним бежали люди – живые, раз бегают. И таксист тоже не пострадал – вон как бодро выскочил из автомобиля.

– А я ещё заправился, главное... Ты как так едешь, а?

Водитель «Нексии» что-то объяснял, указывая почему-то в небо, – будто там сидит главный небесный гаишник, который их всех и рассудит.

– У вас пассажирка кровит, – сказал кто-то, и таксист бросился к Вере.

– Итить! – расстроился он. – Женщина, вы как? Я сейчас «скорую»...

Вера сказала, что не надо ей никакой «Скорой», она вполне нормально себя чувствует. Завязала голову шарфиком – место ушиба слегка пощипывало, но это пустяки. Важнее, как добраться до порта?

– Другую машину вызову? – спросил таксист. – Со скидкой будет.

Вера кивнула. Понюхала пальцы – от них пахло железом, как из только что вскрытой консервной банки. Мышь внутри завывала – ни дать ни взять сквозняк в трубе.

... – Это кто у нас? – спрашивала Вера, показывая маленькой Ларе картинку в книжке – там пушистый мышонок тре-

бывал песенку на сон грядущий. – Кто на картинке?

– Мышка! – отвечала Евгения, сидевшая на другом конце дивана.

– Сколько раз повторять, я не тебя спрашиваю!

– Извини, тётя Вера, я задумалась. Кто на картинке, Лара?

– Иска! – ликовала Лара.

– Да ты моя умница! А это кто?

Лара хитро поглядывала на Евгению, ожидая подсказки, и, не дождавшись, пробовала наугад:

– Иска?

Вера удивлялась – как можно спутать мышку с кошкой?

Лара была прелестной, немножко ватной девочкой – с таких рисовали старинные рождественские открытки. Даже сдержанная бабушка из Питера признавала – ангел.

Со дня Гериной гибели набежало уже года четыре – они именно что бежали, подобно людям из горящего дома. Евгения как принесла однажды к портрету Лариного папы найденный в парке кленовый лист, так и делала теперь это постоянно. То листья, то душистые еловые шишки, то яркие дикие яблочки, которые хотелось повесить себе на уши, как серёжки – все эти находки Евгения оставляла возле фотографии Геры, стоявшей на книжной полке. Втайне Евгения считала Геру и своим папой тоже: ей нравились его весёлые глаза. И он тоже был в очках, а это, объясняли в садике всезнающие няньки, передаётся по наследству.

Когда Евгения разговаривала с Герой, она называла его

папой. Это слово очень удобно для тихих бесед, его можно произносить одними губами, без голоса. Евгения показывала папе свои рисунки и пластилиновые фигуры – держала их у портрета, пока руки не уставали. Папа улыбался – ему нравилось! Девочка прижималась губами к папиному портрету – и тоже беззвучно, тихо целовала его в стеклянную щеку. Конечно, она делала так не при тётё Вере и не при Лариной бабушке – Евгения знала, им это не понравится. Всё испортила Лара – подкралась и громко ухнула за спиной. Евгения выронила портрет: стекло треснуло так, что молния пробежала у папы прямо по лицу.

– Не смей брать! – кричала на нее тётя Вера. Потом она расплакалась и ушла к себе в комнату, а Евгения долго сидела на диване и тоже рыдала.

Она пыталась примерять к себе других пап – но они ей не нравились, ни один. У Марика, например, был папа с таким толстым животом, что Евгения серьёзно считала, он носит там ребёночка. Ещё у одной девочки от папы всегда очень плохо пахло, и он держался за дверь, пока девочка одевалась на улицу. Гера полностью устраивал Евгению, но ей сказали «не смей брать», и она, природно кроткая, не могла ослушаться. Папе поменяли стекло, но Евгения больше не приближалась к полке, где стояла фотография, а только издали затравленно поглядывала на неё. Шишки, листья и яблочки папе теперь приносила Лара, пока ей это не надоело.

Этой осенью Евгения должна была пойти в школу, и ма-

ма Юлька в кои-то веки проявила интерес к дочкиной жизни. Вытрясла из всех рукавов все карты – и нашла *связи* в городском отделе образования. Тамошний специалист, женщина с лицом матёрого педагога, посоветовала Копипасте модную французскую гимназию – она открылась недавно, но в ней уже учились все городские сливки, точнее, их отпрыски. Crème, так сказать, de la crème.

Чтобы попасть в гимназию, требовалось сдать экзамен на скорость и качество чтения, а также перечислить геометрические фигуры – Вера о таком прежде не слыхивала и сочла возмутительным. Почему бы Юльке не отдать Евгению в двести шестьдесят восьмую школу, где вполне приличная *началка*? Преподаватель истории Вера Викторовна Стенина уж как-нибудь присмотрит за своей крестницей. Но Копипаста упёрлась: нет, спасибо, они *постараются* в гимназию.

В последнее время Юлька явно что-то скрывала – точнее, *кого-то*. А Вера, гуляя как-то с Ларой в Собачьем парке, неожиданно встретила там парижанку Бакулину. Бакулина шла по главной аллее с таким гордым видом, как будто это не Собачий парк, а как минимум Люксембургский сад. Бывшая одноклассница явно собиралась пройти мимо Веры с малышкой – якобы она их не видела, а если и видела, то не узнала. Вера улыбнулась первой, и Ольга вынуждена была остановиться. По Ларе Бакулина скользнула будто бы равнодушным взглядом – но на самом деле отсканировала от макушки до ботиночек. Вера почувствовала внутри, там, где

проживала в прежние годы летучая мышь, приятный трепет – вот как, оказывается, бывает, если завидуют тебе. У Бакулиной, судя по взгляду, ребёнка не было, с этим, видно, были проблемы, но она, как и раньше, не спешила откровенничать. Вера с трудом, как из двоечника, выбила из неё скупой рассказ – са ва бьен, приехала навестить маму с папой, а так – живёт в Париже по-прежнему. Ничего интересного. Выглядела она по-европейски серенько, ненакрашенная, зато в руке – миниатюрный сотовый телефон. В Екатеринбурге такие еще не появились. Телефончик сразил Лару – и она раскапризничалась, пытаясь завладеть дивной машинкой.

– Это не игрушка, – довольно грубо сказала Бакулина и бросила телефон в сумку, а он запел вдруг там голосом Далиды – «Пароле, пароле, пароле!».

У Лары тут же высохли слёзы, она крепко прижалась к Вериней ноге и спросила страшным шёпотом:

– Кого там пороли, мама?

Тут уж даже Бакулина не выдержала – засмеялась. Сказала, что вечером придёт в гости к Юльке – чтобы *посидеть всем вместе, как раньше*. Вера не без труда вспомнила, в каком это *раньше* они сидели все вместе, но обещала заглянуть после восьми.

Пришли они с Ларой ровно в восемь. Юлька открыла дверь оживлённая, в новом кружевном платье. Разглядывая подругу, Вера вспомнила, как Юлька пришла однажды на приём к врачу в ажурной вязаной кофточке, надетой прямо

на лифчик. Они всем классом проходили осмотр в поликлинике – и врачиха, уже почти доехавшая до станции «Климакс», от души вызверилась на Юлькину кофточку:

– Шалава малолетняя, да как тебя мать в таком виде из дому выпустила? Все родимые пятна наружу! *Главное*, было бы что показывать!

Юлька икала и рыдала, а Вера от обиды за подругу пыталась дерзко отвечать врачихе во время собственного осмотра, но та держалась с ней подчёркнуто ласково. Мести не удалась.

Интересно, что сказала бы та врачиха теперь, глядя на Юлькино кружевное платье? На самом деле только Стениной было интересно копаться в старых историях, как в слежавшемся от времени белье. Юлька была воплощённое настоящее, мечта буддиста.

– Знакомьтесь! – широко махнула она в сторону гостиной, где кто-то отражался в зеркале. – Иван! Или просто – Джон.

Тут как раз явилась Бакулина, долго обнимала Юльку, совала ей в руки какие-то свёртки – Вера ревниво отметила, что там были подарки для Евгении, тогда как Ларе эта жадная сволочь даже киндер-сюрприза не купила. Пока они миловались в прихожей, Вера разглядывала Джона, в очередной раз поражаясь тому, как широки и разнообразны возможности и вкусы Копипасты. Та была просто каким-то Пикассо в любви! И если бы Вере предложили составить выставку портретов Юлькиных возлюбленных, она бы, навер-

ное, отказалась. У любой выставки должна быть объединяющая идея, а здесь между героями не было ну просто ничего общего! Арлекин, мужчина на кубе, авиньонские девушки и Гертруда Стайн – даже они больше похожи друг на друга, чем художник Вадим, злосчастный Валечка, Алексей – руки-деревья, мужчина-мечта из Оренбурга и директор завода, который усмеялся, как злой волшебник. А теперь ещё и Джон.

Во-первых, он был корейцем, – фамилию имел короткую, как аббревиатура, но при этом несомненно шекспировскую – Пак.

Во-вторых, он был ниже Юльки на добрую треть (это если быть доброй и отрицать очевидное).

«В-третьих» Вера придумать не успела, потому что Юлька позвала их к столу – и Джон покатился в другую комнату, как мячик, который прицельно пнули в пустые ворота.

Юлька хлопотала над салатами, что тоже выглядело несколько странно – она не любила и не умела готовить. А тут вдруг – салаты! В одном лежали макароны, белые и толстые, как органные трубы.

Органые трубы Вера во всех подробностях рассмотрела в филармонии – купила для Лары абонемент и водила её туда с упрямством, достойным если не лучшего, то по крайней мере иного применения. Но ей хотелось культурно развивать Лару, и втайне она надеялась, что разбудит таким образом музыкальные способности девочки. При такой бабушке, как Лидия Робертовна, они вполне имели шанс на существова-

ние, но Лара их пока что не обнаруживала – на концертах она орала во всё горло так, что далеко не всякий музыкальный инструмент мог её заглушить. Вера краснела, затыкала дочке рот конфетой, но вредная девчонка, проглотив шоколад, опять начинала голосить, как молодуха на похоронах любимого мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.